

Николай Васильевич Соколов

ПЕРСЫ

Книга первая
исторического романа «Скифы»

Николай Соколов

**Персы. Книга первая
исторического романа «Скифы»**

«Издательские решения»

Соколов Н. В.

Персы. Книга первая исторического романа «Скифы» /
Н. В. Соколов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831606-7

В первой книге исторического романа «Скифы» рассказывается о государственном перевороте 522 года до нашей эры в Персии. После убийства царя Бардии в стране начались мятежи и восстания, причем в военных действиях на стороне мидийцев принимали участие скифы или саки, как их называли персы.

ISBN 978-5-44-831606-7

© Соколов Н. В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	7
АРТЕИ	10
схолия первая	10
Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Глава восьмая	43
Глава девятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Персы

Книга первая исторического романа «Скифы»

Николай Васильевич Соколов

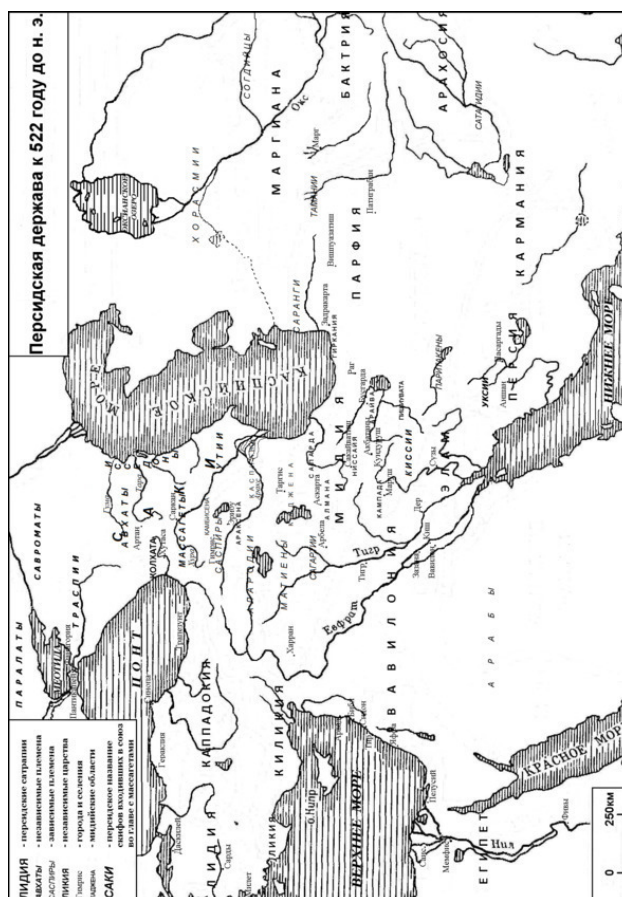
© Николай Васильевич Соколов, 2019

ISBN 978-5-4483-1606-7

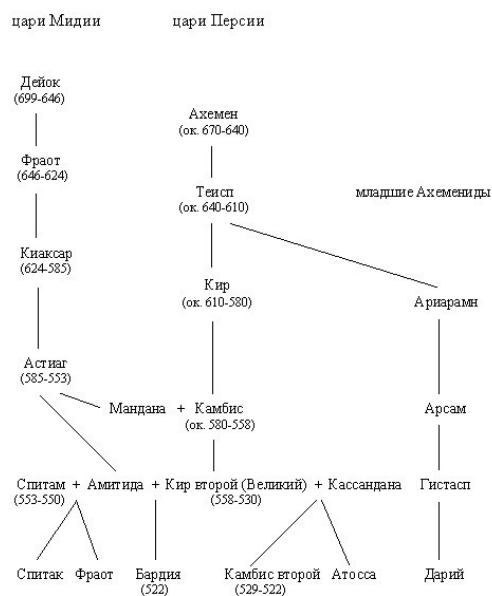
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРСЫ

Генеалогическая таблица

ПРОЛОГ

*После кончины Кира царство наследовал Камбис,
сын Кира и Кассанданы, дочери Фарнаспа...
Геродот. История, 2.1*

К тому времени Персия уже превратилась в великую державу, раскинувшуюся от Нижнего моря до Верхнего¹ и от берегов Нила до реки Окс; империю, вобравшую в себя не только Мидию, в состав которой входило Персидское царство, но и такие государства древности, как Лидия и Вавилон.

А все началось с того, что у мидийского царя Астиага не было сына и его наследницей считалась старшая дочь. Но Мандана приходилась матерью персидскому царю Киру, и в случае смерти Астиага власть перешла бы к персам. Поэтому мидийские азаты² настояли на том, чтобы престарелый царь объявил преемником Спитама, мужа младшей дочери – Амитиды.

Такое поспешное изменение обычая не могло не возмутить персов, и те взялись за оружие. Понимая, что защитить свои права будет нелегко, Кир заручился поддержкой не только всех персидских племен, но и царя саков³ Амирга. Даже среди мидийцев у него нашлось немало сторонников, недовольных проводимыми Спитамом реформами⁴.

Распря между персами и мидийцами продолжалась почти три года, и только после пленения Астиага и гибели Спитама открытое сопротивление пошло на убыль. Желая предотвратить новые мятежи, Кир женился на вдове Спитама, усыновив ее детей – Спитака и Фраота⁵. А когда у Амитиды родился Бардия, царь назначил его сатрапом⁶ Мидии, надеясь таким шагом примирить два народа.

Пока у соседей шла междоусобная война, Вавилон и Лидия захватили часть мидийских земель. Кир не решился воевать на два фронта и уступил Вавилону спорные земли, получив взамен обещание не пропускать через свои границы союзных лидийскому царю Крезу египтян. Но вавилоняне просчитались, разделив в 539 году до нашей эры участь покоренной Лидии. Угроза нависла над Египтом, но Кира отвлекли события на севере.

Там против сакской царицы Томирис, захватившей после смерти мужа власть, выступил старший сын Амирга – Сасан. Понимая, что в одиночку мачеху не одолеть, он обратился за помощью к побратиму отца Киру. Но персидские войска подошли к Араксу⁷ слишком поздно, сторонники Сасана были уже разбиты, а сам царевич погиб. Несмотря на это, Кир продолжил поход и нашел смерть в теснинах Кавказа, или Краукасиса, как его тогда называли.

Короновавшись, сын Кира Камбис заявил, что не успокоится, пока не отомстит за гибель отца. Но его окружение опасалось, что еще одна неудача может вызвать серьезные волнения в покоренных странах. И все же молодой царь настоял на своем решении, поручив ведение военных действий против саков младшему брату – Бардии.

Несмотря на явное превосходство персов, окончательно покорить саков так и не удалось. В Египте умер фараон Амасис, и задуманный еще Киром поход нельзя было больше откла-

¹ Персидский залив и Средиземное море. См. на картах названия рек, городов и племен (здесь и далее примечания автора).

² Или язаты (авест. «достойные почитания») – военное сословие в Мидийском, а позже и Персидском государстве.

³ Согласно Геродоту, так персы называли всех скифов.

⁴ Спитама, будучи магапатом (дословно: глава племени магов), – проводил религиозную реформу, заменяя многочисленных родовых богов единым – Ахурамаздой.

⁵ У Ктесия Книдского они Спитак и Метаберн.

⁶ Точнее, кшатрапас – хранитель царства, наместник.

⁷ Нет никаких оснований отождествлять Аракс с Амударьей или с ныне пересохшим руслом Узоя. Смотри: Геродот, книга 1, п. 202, 209, и упоминания других древних авторов об этой реке.

дывать. Поэтому с саками заключили мирный договор, по которому те лишились почти всей Каспианы⁸ и горной области, названной в честь молодого царя Камбисеной⁹.

Египет тогда являлся единственным государством способным, оказать серьезное сопротивление персам. Выходец из военной знати Амасис, ставший в 569 году фараоном, покорил Кипр и сделал египетское царство сильной морской державой. Но неутихающая вражда между жречеством и военной знатью постоянно подтачивала силы страны. Даже перед лицом персидской угрозы его сыну Псамметиху Третьему с трудом удалось собрать войска.

Главное сражение между противниками развернулось у городка Пелусия, где и отчаянное упорство греческих наемников не спасло египтян от поражения. Фараон бежал в Мемфис, надеясь там собрать новую армию. Но ему не дали это сделать, и в 525 году новым фараоном Египта стал персидский царь Камбис.

Как истинный сын Кира, молодой царь не успокоился на завоевании Египта. Вначале его внимание привлек Карфаген, и только отказ финикийцев воевать с соплеменниками спас богатый город от порабощения. Затем Камбис решил покорить царство эфиопов, но плохо подготовленный поход закончился печально – голод и жара вынудили персов вернуться ни с чем. Еще трагичнее завершилась попытка подчинить аммониев¹⁰ – все пятьдесят тысяч воинов остались лежать в Ливийской пустыне погребенные песчаной бурей.

Неудачи царя не могли не беспокоить персидскую знать, но гораздо сильнее ее тревожило стремление наследника Кира к неограниченной власти. Под угрозой оказались их привилегии, и трудно сказать, чем все могло закончиться, если бы не несчастный случай. Однажды, когда Камбис садился на лошадь, у его ножен отпал наконечник и меч рассек бедро. Рана показалась неопасной, но началось воспаление, и на двадцатый день от сухой гангрены он скончался.

Когда стало ясно, что сын Кира умирает, перед окружением царя встал вопрос о преемнике. Детей у Камбиса не было, и, по обычаю, его наследником являлся младший брат. Но Бардия, выросший в мидийском окружении и находившийся под сильным влиянием сводного брата Спитака, не мог устраивать персидскую знать.

Угроза представлялась столь реальной, что возглавляемые Отаном, дядей¹¹ Камбиса, персы решили не допускать Бардию к власти. Но если в этом заговорщики оказались единомышленны, то при выборе нового царя мнения неожиданно разошлись. Одни хотели видеть им Отана, другие предпочли представителя младших Ахеменидов¹² – Гистаспа.

Выступление Спитака в поддержку Бардии оказалось для обеих сторон полной неожиданностью. Пока заговорщики только решали, что им предпринять, вся Мидия уже признала нового царя, а вскоре ее примеру последовали другие сатрапии. Время для ответных действий было упущено, и персам ничего не оставалось, как смириться.

Так в 9 день месяца гармапада¹³ 522 года Бардия получил всеобщее признание и короновался на царство. В связи с чем народам персидской державы даровалось трехлетнее освобождение от податей и военной службы. Не обошел царь вниманием и заговорщиков, заявив, что желает навсегда покончить с враждой между персами и мидийцами, а случившееся готов считать недоразумением.

Однако подобное заверение не помешало ему почти сразу лишить Отана должности хазарпата¹⁴. Не был забыт и другой претендент на персидский престол – сатрап Парфии Гис-

⁸ Область в низовьях Аракса.

⁹ Область, находившаяся на стыке современной Грузии, Армении и Азербайджана.

¹⁰ Жители Ливийского оазиса Сива.

¹¹ У Геродота Отан – сын Фарнаспа, а значит, родной брат Кассанданы, матери Камбиса. В бехистунской надписи он сын Сухра, что, скорее всего, связано с различием персидского и мидийского языков.

¹² Потомки внука Ахемена Ариарамна.

¹³ Июнь – июль.

¹⁴ Высшая должность при персидском дворе (дословно: великий глава).

тасп. Он в отличие от соперника сохранил должность, зато его сатрапию существенно урезали, выделив из нее Маргиану, где наместником стал второй сводный брат царя Бардии – Фраот.

АРТЕИ

схолия первая

*...В древнее время эллины называли персов
кефенами. Сами же они называли себя артеями...
Геродот. История, 7. 61*

Глава первая

Последние дни Дарий не находил себе места. По его расчетам, жена должна была уже родить, а известий из дома все не было. Усиливало тревогу сына Гистаспа и то, что, когда он уезжал, беременная Артистона¹⁵ чувствовала себя неважно.

Дарий не хотел оставлять ее в таком состоянии, но дед Арсам настоял на его немедленном отъезде. Горцы уксии опять собирались возместить потери от зимнего падежа скота за счет соседей, и в Персии, а точнее, в Аншане¹⁶ запылали селения. Большая часть этой области являлась родовыми владениями персидских царей, и за весь ущерб, причиненный ей, отвечать приходилось Арсаму – наместнику коренной Персии.

– Действуй решительно и жестко! – наставлял он внука. – Эти мерзавцы уважают только силу...

Несмотря на подобные советы и свои двадцать семь лет, у Дария хватило благоразумия ограничиться лишь отражением набегов. Ведь даже Эламу, сопернику Вавилона и Ассирии, за всю его многовековую историю не удалось укротить своенравных горцев.

Выбранная тактика вскоре оправдала себя – постоянно натываясь на отпор, разбойники все реже и реже тревожили земли Аншана. Но тут неожиданно зароптали общинники. Подошло время сбора урожая, а им приходилось не только содержать воинов, но и участвовать в охране селений. Недовольство оказалось настолько сильным, что Дарию пришлось дать обещание уменьшить подати.

Эта вынужденная уступка являлась еще одним поводом для его беспокойства. Предугадать возмущение деда было несложно, тот и так вечно ворчал, что нынешняя молодежь мягкотела и слабовольна.

– «Получили все сразу – вот и результат...» – брюзжал всякий раз старик, когда слышал о проступках кого-нибудь из отпрысков персидской знати.

Шумное появление мокрого и всего заляпанного грязью молочного брата Тотная неожиданно отвлекло Дария от не дававших покоя мыслей.

– А ты как здесь оказался? – удивился он, с трудом узнавая друга детства. – Что случилось?

– Да ничего страшного, просто перед самым городом лошадь решила от меня избавиться. Я всю дорогу понукал ее, вот она и надумала отомстить. Главное, место, зараза, выбрала самое «подходящее» – полувысохший арык. А может, ей показалось...

– С этим ясно, – перебил его Дарий, которого одолевали нехорошие предчувствия. – Зачем приехал?

Он едва сдержался, чтобы тут же не спросить об Артистоне. Но постоянные насмешки деда над его излишне трепетным отношением к жене сделали свое дело, к тому же ему подумалось, что Тотнай не стал бы так балагурить, случись с ней что-нибудь плохое.

– Зачем, зачем – твой дед прислал! – ответил раздраженно-обиженно тот, и веселость на его смуглом лице сразу сменило выражение досады. – У меня как раз намечалось свиданье с дочкой кузнеца, а он: «Скачи, не мешкая за Дарием!»

– Для чего я ему так срочно понадобился?

– Не знаю. Могу только предположить, что это как-то связано с приездом бывшего сатрапа Кармании Эобаза. Именно после разговора с ним твой дед приказал мне мчаться сюда, не жалея лошади.

¹⁵ Геродот ошибся, называя ее дочерью Кира. Иначе трудно объяснить, почему ее сыновья носят имена деда Дария – Арсама и его тестя – Гобрия.

¹⁶ Древний город и государство, а позже одна из областей коренной Персии.

– Может, опять война?..

– Да вроде не похоже... Я слышал, Эобаз собирается с жалобой к царю. Новый сатрап Кармании подбивает народ требовать возвращения общинных земель, ссылаясь на то, что, раздавая их, Кир нарушил старинные обычаи.

– Что он, хаомы¹⁷ опился! – возмутился, выйдя из себя, Дарий.

Вспышка гнева сына Гистаспа, старавшегося при любых обстоятельствах сохранять хладнокровие, была вполне объяснима. Их роду в Кармании принадлежали большие земельные владения. Да и одно из его личных поместий, полученное в награду за египетский поход, находилось именно там.

– Он, говорят, больше вино предпочитает, – усмехнулся Тотнай, показав белоснежные зубы. – Вбил себе в голову, что хаома омерзительный напиток, который истинным последователям Заратуштры¹⁸ пить не подобает.

Встревоженный Дарий даже не улыбнулся на новую попытку друга пошутить. Он признавал, что без серьезных причин дед не стал бы его вызывать, и решил не затягивать с отъездом. Тем более что ему уже порядком надоело гоняться за скотокрадами и разбирать жалобы общинников. Так что все получилось, как нельзя кстати.

Предупредив правителя Аншана о своем отъезде, Дарий вечером того же дня выехал из города. Дневная жара начала спадать, и копыта еще не успевших утомиться лошадей проворно выбивали пыль из пожухлой ковыли. Насколько хватало глаз, вокруг простиралась холмистая, выгоревшая на летнем солнце каменистая степь.

Почти двести лет назад персы во главе с его предком Ахеменом пришли на эту землю из ассирийской области Парсуа и обрели здесь новую родину. Сын Ахемена уже именовал себя царем Аншана, но был вынужден признать зависимость от Элама. А после завоевания Элама ассирийцами правнук Ахемена Кир¹⁹ опять стал данником Ассирии, где в качестве заложника находился его старший сын.

Вскоре для Ассирии настали тяжелые времена. Борьба за власть и постоянные мятежи в покоренных странах сильно ослабили державу. Но самой большой ошибкой ассирийцев явился отказ от союза со скифами, которые не раз спасали империю от гибели. Этим не замедлили воспользоваться соседи, в конце концов поделившие земли Ассирии, причем Персия досталась Мидии.

В то время мидийцы еще сами платили дань скифам, поэтому их царь Киаксар видел в персах скорее союзников, чем вассалов. Чтобы упрочить союз, он женил персидского царя Камбиса²⁰ на внучке, благодаря чему их сын Кир смог стать законным царем Мидии и возвысить персов над другими народами.

С приходом к власти Бардии мидийская знать, похоже, собиралась вернуть утраченные при Кире позиции, и это не могло не тревожить персов. Отец и дед не скрывали от Дария своего беспокойства по поводу происков мидийцев, всегда приглашая будущего главу рода на обсуждение подобных вопросов. Вероятно, именно поэтому дед и отправил за ним Тотная.

Несмотря на свою догадку, Дарий всю дорогу торопил спутников, и уже на следующий день они оказались в родовых владениях младших Ахеменидов. Еще издали, увидев, знакомые с детства очертания родного селения с возвышающейся над верхушками пирамидальных тополей сторожевой башней, сердце сына Гистаспа учащенно забилося, и он поехал быстрее, настигая уставшего коня.

¹⁷ Напиток, который Заратуштра считал омерзительным зельем, хотя у его последователей он стал ритуальным.

¹⁸ Пророк, проповедовавший особую разновидность единобожия, где Ахура Мазда признавался единственным богом, но ему противостояла некая сверхъестественная сила Анхра-Манью (злой дух). А в их постоянном противоборстве участвуют люди, совершая добрые дела или творя зло.

¹⁹ Дед Кира Второго, ставшего царем Мидии и прозванного Великим.

²⁰ Отец Кира Великого, дед Камбиса Второго, после которого царем стал его сводный брат Бардия.

На просторном дворе родового стахра²¹ его уже поджидал празднично одетый Арсам, первым поздравивший внука с родившимся несколько часов назад сыном.

– Нам предстоит серьезный разговор, и я не хочу, чтобы тебя что-нибудь отвлекало, – добавил он, лукаво прищурившись. – Поэтому повидай жену и возвращайся.

Дарий смущенно поблагодарил деда и поспешил на женскую половину.

Проходя полутемными коридорами дворца, им все сильнее овладевало волнение, хотя это был его третий сын. Внука Арсама переполнила гордость – на свет появился еще один продолжатель рода, его защитник и опора. В те времена отсутствие детей являлось большим несчастьем, такие семьи даже считались проклятыми.

– Как она? – поинтересовался Дарий, встретив у покоев жены бабуку.

– Все хорошо, и мальчик здоровенький, и она пришла в себя. Только вот ослабла.

– Может, тогда ее не тревожить, пусть спит?

– Да она не спит, только что малыша кормила, – успокоила его та.

Наконец решившись, Дарий осторожно вошел в спальню. Дверь предательски скрипнула, и лежащая на постели Артистона сразу открыла глаза и, увидев мужа, приветливо улыбнулась.

Подойдя к супруге, он ласково взял ее руку и нежно поцеловал:

– Спасибо, любимая, за сына...

Жена еще раз ему улыбнулась, повернув голову в сторону ребенка, словно приглашая посмотреть на чудо, лежащее рядом с ней.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Дарий с тревогой в голосе.

– Теперь, когда ты приехал, хорошо...

– А я так боялся. Каждый день проклинал себя, что оставил тебя одну. Но ты знаешь упрямство деда, – вздохнув, с досадой признался он.

Ничего на это не сказав, Артистона устало закрыла глаза. По ее осунувшемуся бледному лицу было видно, как она сильно утомлена, и Дарий решил потихоньку уйти, но сразу же почувствовал, как рука любимой напряглась в попытке его удержать. Она явно просила остаться. И он осторожно присел на край постели, с любопытством рассматривая сморщенное личико спящего сына.

Только когда Артистона задремала, Дарий тихонько покинул спальню.

Вернувшись с женской половины, он застал деда уже в обществе Эобазы и его племянника Гидарна, с которым сдружился во время египетского похода. В Египте у того погиб отец, и теперь он являлся обладателем огромных владений, как в самой Персии, так и за ее пределами.

Целуясь, гости поздравили Дария с рождением сына, желая ребенку всяческих благ. После чего бывший сатрап Кармании сразу извинился, что в такой день придется говорить о делах:

– ...Но время не терпит, у нас в любой день может начать литься кровь. Мой преемник Вахъяздата ни во что не ставит дарованные нам права, призывая чернь отбирать пожалованную Киром землю и делить ее между собой. Он разрушает наши храмы, избивает жрецов, требуя от них поклонения одному Ахурамазде²². И если новый царь срочно не вмешается, мы будем вынуждены взяться за оружие. А это, как ты понимаешь...

– Война, – договорил за него Дарий, крайне обеспокоенный таким началом разговора. Но больше всего его удивило, что бывший сатрап говорил с ним так, словно он мог что-то изменить.

– Тебе придется поехать к царю вместо Эобазы, – пояснил Арсам, заметив растерянность на лице внука. – Как бывшего сатрапа его могут неправильно понять, когда он станет жало-

²¹ Замок, укрепленная усадьба.

²² Ахурамазда (ахура мазда – на авестийском языке «господь мудрый») – бог последователей Заратуштры.

ваться на преемника. К тому же положение в Кармании в любой момент может обостриться, и мы решили, что ему лучше вернуться домой.

Дарий удивленно посмотрел на деда:

– Кто я такой, чтобы царь захотел меня слушать?

– Ты – Ахеменид, и он обязан тебя принять и выслушать. К тому же ты приедешь как представитель азатов Кармании, которые во главе с Гидарном отправятся с тобой. Если Бардия захочет, он сможет сам расспросить их о вызывающем поведении нового сатрапа. Главное же – постарайся его убедить, что он прежде всего наш царь, а не последователей Заратуштры или мидийцев.

– Мне кажется, я слишком молод для такого поручения...

– Твои сомнения понятны, – поспешил успокоить сына Гистаспа Эобаз. – Я тоже не вполне уверен в успехе задуманной поездки. Но попытаться урезонить Спитака²³ – а все это его рук дело – мы должны. И у тебя это может получиться даже лучше, чем у кого-нибудь из нас. Ведь вы с царем почти ровесники.

– Бардия должен понять, что если он не образумит Спитака и его приспешников, то снова вспыхнет междоусобная война, – уточнил Арсам. – Сторонники магов²⁴ даже здесь, в Персии, уже пытаются баламутить народ.

– Персия не Кармания, – самоуверенно заметил Дарий.

– Но желания у черни одни и те же, – возразил строго дед. – Пообещай им наши земли и освобождение от податей... За кем они тогда пойдут?

Последние слова заставили Дария призадуматься. Ясно было, что потакание низменным желаниям общинников ни к чему хорошему не приведет. Так что нависшая над персами угроза выглядела реальной. Однако ехать в Мидию ему не хотелось.

– Неплохо было бы, конечно, добиться отставки Спитака, – размышляя вслух, предложил тем временем Эобаз. – Но боюсь, Бардия на это не пойдет. Ведь он считает его не только сводным братом, но и наставником.

Дарию вспомнилось, как год назад Камбис все же вынудил брата отстранить Спитака от командования мидийскими войсками. Причем тогда Бардия даже не лишил его должности азатпата²⁵, сославшись на то, что, по обычаю, она являлась выборной. А сколько усилий пришлось приложить персам, чтобы этого добиться?

– Какой сейчас смысл говорить об отставке Спитака? – заметил раздраженно Гидарн, до того молчавший и явно недовольный последним высказыванием дяди. – В окружении Бардии уже почти не осталось персов. Даже его личная охрана теперь состоит только из мидийцев, а ведь это наше законное право – находиться рядом с царем. Поэтому было бы неплохо взять с собой еще и представителей азатов Персии. Пусть они лично убедятся, как выполняет наследник Кира заветы отца.

– Для того чтобы собрать азатов, понадобится время, – возразил Эобаз. – А у нас его нет.

Но предложение Гидарна неожиданно поддержал Арсам. Он увидел в нем возможность не отзывать своих воинов из Аншана. Отправлять же внука к царю с десятком дружинников было, по представлениям главы младших Ахеменидов, неприлично. Да и в пути могло всякое случиться.

– Желаящих собрать недолго, – заверил он бывшего сатрапа Кармании. – Служба в царской охране всегда хорошо оплачивалась. Зато их присутствие позволит моему внуку напо-

²³ Другое имя сына Спитама и Амितिда, дочери мидийского царя Астиага – Гаумата.

²⁴ Мидийское племя, из которого происходили самые ярые приверженцы учения Заратуштры; позже так стали называть всех жрецов этой веры.

²⁵ Или патиазат – глава азатов Мидии.

нить царю еще об одной попранной им привилегии персов. Думаю, две-три сотни будет вполне достаточно. Персию ведь тоже нельзя оставлять без воинов в такое тревожное время.

Поддержал предложение Гидарна и Дарий, которому уже стало окончательно ясно, что ехать в Акбатаны все-таки придется. А имея за спиной персидских азатов, ему было бы проще разговаривать с царем.

Смирившись с неизбежностью поездки, Дарий вспомнил усталое бледное лицо Артистоны, которую опять придется надолго оставить, и в сердцах выругался.

Глава вторая

Услышав в глубине царского сада смех, Отан решил посмотреть, кто бы это мог быть. Каково же было его удивление, когда сквозь зеленую листву деревьев он увидел дочь в обществе своего заклятого врага Спитака. Причем они о чем-то весело беседовали, что подтверждал несмолкающий смех Феди́мы.

– «Этого не может быть! – не поверил глазам Отан, зная, что дочь ненавидит мага²⁶ даже больше, чем он. – Но тогда почему она с ним?..»

– Феди́ма! – не сдержавшись, сурово окликнул дочку Отан. – Иди сюда немедленно!

Но, к его изумлению, та лишь рассеянно посмотрела на отца и продолжила увлеченно слушать собеседника. Тогда разъяренный Отан решил сам к ней подойти, но не успел он сделать и трех шагов, как на него накинута стража.

Возмущенный их нападением, Отан стал отчаянно отбиваться, но силы были неравными. И тогда ему ничего не оставалось, как попросить дочь вмешаться. Как жене Бардии, ей ничего не стоило остановить воинов, но в ответ он услышал лишь издевательский смех Феди́мы.

А тем временем лица стражников неожиданно превратились в страшные звериные морды, напоминающие те, что Отан видел на стенах египетских храмов. Их оскаленные пасти смердели, безумные глаза горели неистовой злобой. Им овладел ужас. Он чувствовал, что они вот-вот вонзят в него свои клыки...

И тут Отан проснулся. И еще долго лежал неподвижно в темноте, изгоняя из себя чувство страха, вызванное приснившимся кошмаром.

– «К чему бы это?..» – подумалось ему.

Отан не считал себя суеверным человеком, но при нынешних обстоятельствах дурной сон мог оказаться пророческим. Ведь бывший хазарпат так и не смирился с отставкой все это время, готовя ответный удар. Причем Спитак сам помогал ему, постоянно увеличивая число своих недругов среди персидских, да и мидийских азатов. Так что пламя притухшего было заговора разгоралось с новой силой.

Оказавшись в опале, Отан поселился в Акбатанах, чтобы находиться в курсе происходящего при царском дворе. Но Спитак, словно почувствовав опасность, перенес место проживания царя в соседнюю с мидийской столицей область Ниссайю, что усложнило бывшему хазарпату связь с оставшимися при дворе единомышленниками, но не прервало ее окончательно. А это сейчас было самое важное.

За окнами начал боязливо пробиваться рассвет, а Отан все ворочался без сна. Наконец, поняв, что уже не заснуть, он решил встать. Явившийся на его зов слуга пришел не один, а вместе с привратником, который доложил о приезде племянника хозяина – Артимана²⁷.

Появление сына Прексаспа в столь ранний час сильно озадачило бывшего хазарпата. Он знал, что тот недавно получил должность главы царских конюших – аспата, какое-то время остававшуюся незанятой после отставки Мегабаза. Поэтому приезд Артимана в дом опального вельможи мог быть вызван только чрезвычайными обстоятельствами.

– Что случилось? – стараясь не выдать своего беспокойства, спросил он у вошедшего в спальню усталого и взволнованного юноши.

Гость вопросительно посмотрел на слугу помогавшего Отану одеваться.

– Это мой доверенный писец Сулай, при нем можешь говорить свободно, – рассеял его опасения Отан. – Так что же случилось?

– Вчера арестовали отца.

²⁶ Здесь и далее маг обозначает племенную принадлежность.

²⁷ У Геродота его имя Аспатин. Однако он ошибся, приняв название главы конюших за имя сына Прексаспа.

– Что?!..

Отец Артимана Прекасп был, пожалуй, единственным из персов, кто еще сохранял высокое положение при царском дворе. Назначенный патисахом – правителем царского дома еще Киром, он так им и оставался, несмотря даже на то, что был женат на сестре Отана. Всем было хорошо известно, что свояки не ладили между собой, но это не помешало Отану сразу же после отставки попытаться втянуть Прекаспа в новый заговор.

Так что бывшему хазарпату было чему удивиться.

– Как это случилось? – поинтересовался он, напряженно размышляя над причинами неожиданного ареста патисаха.

– Не знаю. Багапат²⁸ Артасир только сказал, что произошло это во дворце и по приказу царя. Он же посоветовал мне на время скрыться, но прежде заехать к тебе и обо всем рассказать.

– А за что его арестовали, Артасир не сказал?

– Это было и так ясно. В последние дни появился слух, что еще во время похода в Египет отец по приказу Камбиса убил настоящего Бардию. Так что нами сейчас правит самозванец.

– Что за чушь?! – изумился Отан, заканчивая одеваться и с трудом затягивая на животе широкий пояс. Малоподвижный образ жизни, который вел последние месяцы бывший хазарпат, давал о себе знать.

– Отец вначале тоже так считал, пока не понял, что из-за этой чепухи может лишиться головы.

– Но он хотя бы догадывался, кто распустил слухи?

– Не знаю. Во всяком случае, мне он ничего не говорил. Да и что это могло изменить?

На бледном, осунувшемся лице племянника читалось отчаяние и тревога за судьбу отца. Отан попытался его успокоить:

– Если только в этом причина ареста, то твоему отцу ничего не угрожает.

– Почему?

– Подумай сам. Сейчас его казнь только подтвердит слухи, а этого ни Спитаку, ни Бардии не нужно. Скорее всего, они потребуют от него все публично опровергнуть. А вот после, когда он станет им не нужен, можно ожидать всего что угодно... Да и тогда они навряд ли решатся его убить, по крайней мере сразу и тем более открыто. А вот несчастного случая или яда твоему отцу следует опасаться.

– А если его арестовали не из-за слухов? – спросил задумчиво Артиман.

– Тогда все хуже. Ты же знаешь, как Спитак ненавидит всех нас – персов. Но будем надеяться на лучшее. Я немедленно отправлю ко двору гонца и постараюсь все выяснить. А ты пока отдохни с дороги. Сулаи, позаботься о нашем госте и возвращайся, ты мне будешь нужен.

– Какой уж тут отдых, – уныло произнес Артиман, прощаясь с дядей.

Оставшись один, Отан уже не был так уверен в том, что сейчас доказывал племяннику. Поразмыслив, он решил, что Спитак не настолько глуп, чтобы арестовать правителя царского дома из-за каких-то слухов. Тут что-то не так...

Хотя Прекасп отказался участвовать в заговоре, о его существовании свояк знал. И если он передаст хотя бы их последний разговор?.. Но думать об этом бывшему хазарпату не хотелось...

Сулаи вернулся через четверть часа, и Отан продиктовал ему письмо к дочери, распорядившись, чтобы гонец выехал немедленно. Связь с Федимой он поддерживал через одну из ее служанок и купца- халдея²⁹, семья которого являлась гарантией его преданности.

²⁸ Дословно: глава казначеев. У Ктесия Книдского в «Истории Персии» упомянуты Артасир и Багапат, но второе имя является всего лишь должностью.

²⁹ Так еще называли вавилонцев, потому что до захвата персами Вавилона там правила халдейская династия. Причем сами халдеи быстро растворились среди жителей этой страны.

Багапату Артасиру, тоже участвующему в заговоре, он решил пока не писать, надеясь, что тот сам в скором времени сообщит ему подробности ареста Прексаспа.

Диктуя письмо и отдавая необходимые распоряжения, бывшего хазарпата не покидало чувство тревоги. Слишком глупой и нелепой выглядела причина ареста правителя царского дома. В мидийской державе должность патисаха, дословно главы правителей, являлась первой по важности после царя. При Кире с появлением сатрапий она утратила былую значимость, но все равно управляющий царским имуществом и двором считался третьим лицом в государстве после царя и хазарпата.

«А что, если Спитак что-то пронюхал и хочет через мужа сестры заполучить повод для его – Отана – ареста? – подумалось ему. – Нужно все это как следует обмозговать и быстрее известить о случившемся друзей».

Однако собирать участников заговора у себя было сейчас рискованно, приезд Артимана и так уже мог насторожить соглядатаев Спитака. Лучше всего для встречи с ними подходил дом бывшего сатрапа Элама Гобрия, находившийся на окраине города.

Уже совсем рассвело, когда Отан, переодевшись простым горожанином, незаметно выбрался из дворца, подаренного ему Киром. Улицы мидийской столицы были пустынные, и только кое-где над плоскими крышами домов струился синеватый дымок от разожженных очагов.

Бывший хазарпат выругал себя за неосмотрительную поспешность и приказал слуге, сопровождавшему его, идти самыми глухими улочками.

– Что случилось? – встревожился Гобрий, с трудом узнав в стоящем перед ним простолюдине Отана.

– Вчера арестовали Прексаспа. Так что, вероятно, придется кое-что менять в наших планах.

А намечали они в ближайший приезд царского двора в Акбатаны расправиться со Спитаксом. С Бардией все обстояло сложнее, многие видели в нем законного царя, поэтому решили лишь ограничить его власть. На чем особенно настаивали примкнувшие к заговору мидийцы. Устраивало их требование пока и Отана.

– Я уже оповестил Интафрена и Мегабаза, так что они должны скоро сюда подойти. Если, конечно, ты не возражаешь?

– Ну что ты! Какие могут быть возражения...

– Просто мне показалось, что ты собираешься куда-то ехать, – Отан кивнул в сторону стоящих во дворе лошадей.

– Да это зять приехал, как раз перед твоим приходом.

– Дарий?! – удивился Отан. – Буду рад с ним повидаться. Интересно, что там нового в Персии?

– Еще не знаю. Я только успел проводить его в дом, – признался озабоченный неожиданным известием об аресте Прексаспа Гобрий.

Предупредив привратника о приходе Интафрена и Мегабаза, он пригласил гостя в дом, который мало чем отличался от соседних с ним жилищ зажиточных горожан. После недавней отставки бывший сатрап Элама наотрез отказался жить в Сузах и, переехав в Акбатаны, купил этот дом, хотя сразу было ясно, что для его большого семейства и многочисленной челяди он будет тесен.

Дария они застали в обществе жены и дочерей хозяина.

– У нас большая радость, – сообщили они Гобрию, перебивая друг друга, – Артистона родила сына, и молодые назвали его в твою честь.

– Это следует отпраздновать!.. – воскликнул Отан, обнимая сына Гистаспа и поздравляя его с новорожденным.

Присматриваясь к Дарию, которого уже давно не видел, бывший хазарпат отметил, что тот пополнил и еще больше стал походить на мать. Особенно правильными чертами лица – прямым с горбинкой носом и большими серо-зелеными глазами.

«Хорошо бы и нравом пошел в нее, а не в Гистаспа», – подумалось ему с надеждой.

О характере старшего сына соперника в борьбе за царскую власть он имел смутное представление. А вот заносчивый и упрямый нрав его отца Отану был хорошо известен.

– Конечно, конечно, – радостно согласился Гобрий. – Сегодня же вечером мы и отпразднуем.

– Но я не могу задерживаться, – смущенно признался Дарий. – Я ведь здесь проездом.

– Как это? – удивился тесть. – И куда ты едешь?

– К царю.

После такого заявления Отан вопросительно посмотрел на Гобрия. Тот правильно понял его взгляд, но прежде чем расспрашивать зятя, он выпроводил женщин, велел им позаботиться о еде. А когда те ушли, Дарий подробно рассказал, чем вызвана их поездка к Бардии:

– ...По дороге в Акбатаны, мы узнали, что царь находится в Ниссайте. Тогда было решено, что Гидарн поедет прямо туда, а я его догоню после того, как повидаясь с вами.

При этом он благообразно умолчал, что племянник Эобаза не захотел заезжать в столицу из-за возможной встречи с Отаном, которого считал виновником гибели отца. Именно данное обстоятельство сделало Гидарна непримиримым противником претензий тогда еще хазарпата на царскую власть.

– Хорошо, что ты к нам заехал, – похвалил сына Гистаспа Отан. Все услышанное его сильно беспокоило. Но сейчас главу заговорщиков больше волновало другое – стоит ли посвящать Дария в их планы?

Разумеется, заручиться поддержкой одного из младших Ахеменидов было весьма заманчиво. Пока Гистасп в Парфии, его сын едва ли мог представлять серьезную угрозу как соперник в борьбе за власть. Зато участие Дария в предстоящих событиях могло принести немалую пользу, создавая хотя бы видимость единства среди персидских азатов.

Все же Отан так и не принял окончательного решения, когда доложили о приходе Интафрена, а затем Мегабаза.

– Я даже не знаю, что тебе посоветовать, – признался бывший хазарпат, продолжая прерванный их появлением разговор. – Влияние Спитака на Бардию так велико, что царь не принимает ни одного решения без его одобрения. Мне думается, тебе даже не удастся с ним повидаться, особенно после того, как вчера был арестован Прекасп.

– Прекаспа арестовали?! – не сдержал своего изумления Интафрен, который недавно сделал еще одну попытку втянуть правителя царского двора в их заговор.

– Да, арестовали, – огорченно подтвердил Отан. – В связи с чем я и попросил вас собраться. Как вы понимаете, арест патисаха может иметь самые серьезные последствия. Я думаю, пришло время для более решительных действий. Если мы сейчас не избавимся от Спитака, то вскоре он избавится от нас.

– Ты предлагаешь не ждать его приезда в Акбатаны? – встревожился Гобрий. – Но ведь как только мы выступим в Ниссайте, об этом сразу же станет известно и Спитак позаботится, чтобы нас там встретили. Сил у него достаточно.

– Можно выступить скрытно, – неожиданно предложил обычно предпочитавший больше слушать, чем говорить, Мегабаз. – Одно из моих поместий находится в Ниссайте. Оттуда до царской ставки не более десяти фарсахов³⁰, это два-три часа быстрой езды.

– Но как нам незаметно собрать хотя бы тысячу воинов? – возразил ему хозяин дома. – Ведь с меньшими силами даже и говорить о каком-то захвате крепости несерьезно.

³⁰ Или парасанг – 5549 метров.

– Важнее численности – внезапность, – заметил Интафрен. – Саму крепость охраняют всего две-три сотни воинов, и если удастся захватить ворота, то расправиться с охраной не составит труда.

Призвав соратников к решительным действиям, Отан испугался. Ему вдруг показалось, что его предложение чересчур поспешное и легкомысленное. Но, внимательно слушая разгоревшийся спор, он все больше и больше успокаивался. Если Артасир поможет проникнуть в крепость, что ему по силам, у них имелись реальные шансы на успех.

– А почему нам и правда не навестить царя, – предложил он, многозначительно улыбаясь. – Послезавтра праздник Багаядиш³¹, и нет ничего необычного, если в такой день мы захотим поздравить Бардию. Это на тот случай, если что-нибудь пойдет не так.

– Но я ведь тоже не против поездки в Ниссайю, – поспешил заверить всех Гобрий. – Только нужно все хорошо обдумать и взвесить.

Дарию очень не понравился такой поворот разговора. Несложно было понять, что его втягивают в заговор, успех которого весьма сомнителен. С другой стороны, ему стало окончательно ясно, что правление Спитака представляет серьезную угрозу для всех персов.

– Я тоже готов вам помочь, – заявил он, почувствовав на себе настороженные взгляды. – Но прежде я должен выполнить возложенное на меня поручение – повидаться с царем... Или, по крайней мере, попытаться это сделать.

– Я думаю, поездка Дария может и для нас быть полезной, – поспешил на помощь зятю Гобрий. – Мы будем в курсе последних событий, к тому же он может встретиться там с нашими сторонниками.

Уже окончательно решив привлечь сына Гистаспа к заговору, Отан не стал возражать. Поездка Дария на самом деле была как нельзя кстати. Пусть он попытается встретиться с царем, а заодно повидает багапата Артасира. Сообщать тому о принятом ими решении в письме было слишком рискованно.

– В общем, сделаем так, – подытожил глава заговорщиков. – Каждый из нас выезжает из города сам по себе, в разное время и стараясь не привлекать внимания. Выезжает с таким расчетом, чтобы завтра к ночи все собрались в поместье у Мегабаза. Там мы будем ждать Дария и уже в зависимости от привезенных им известий решим, как действовать дальше.

³¹ Точнее, багаядийа (сентябрь – октябрь) – название месяца и праздника урожая.

Глава третья

Своих спутников Дарий догнал уже в Ниссайте.

Эта область, широко раскинувшаяся севернее Акбатан, славилась обильными травой степями, на которых паслись бесчисленные табуны лошадей, раньше принадлежавшие мидийским, а теперь персидским царям. В то время ниссайские скакуны ценились по всему миру за свою выносливость и необыкновенную быстроту.

Однако, по-видимому, не только близость к столице Мидии и благоприятный климат явились причинами выбора ее для проживания царя. Именно через Ниссайю проходила дорога на север, где стояли самые надежные и закаленные в боях с саками мидийские войска. К тому же с запада к ней примыкали земли сагартиев³², на дочери сайдара³³ которых был женат Бардия.

Персы в этих местах были редкими гостями, и, проезжая через немногочисленные селения, Дарий постоянно ощущал на себе любопытные и настороженные взгляды. Вероятно, беспокойство местных жителей заметил и Гидарн, предложив остановиться на ночь в стороне от дороги.

– Так будет безопаснее, – пояснил он сыну Гистаспа, отдавая необходимые распоряжения слугам и дружинникам.

– Ты думаешь, нам что-то угрожает? – спросил тот удивленно.

– Пока нет. Но я не знаю, как поведет себя Спитак, узнав, что к царской крепости приближается большой отряд персов. У страха, как известно, глаза велики.

За всю дорогу Дарий так и не решил, стоит ли ему посвящать кого-нибудь из спутников в планы заговорщиков. Больше всего его беспокоило, что это была не его тайна.

– Если дойдет до драки, азаты Кармании и так будут с нами, – убеждал друга Тотнай, непонятно как узнавший, о чем говорилось в доме Гоброя.

Но сейчас, испугавшись сделать какую-нибудь ошибку, Дарий принял решение рассказать обо всем Гидарну, потому что, скрыв все от приятеля, он мог серьезно обидеть его таким проявлением недоверия.

– Да, рискованное дело нам предстоит, – выслушав сбивчивый рассказ сына Гистаспа, попытожил тот. – Только зря они считают врагом одного Спитака. Во всем, что происходит, вины Бардии не меньше, а может даже больше, чем мидийского азатпата. Да и не станет он спокойно смотреть, как мы будем убивать его единоутробного брата. Опять Отан надеется обойтись полумерами.

– Так ты считаешь, нам придется убить и царя?..

– Если он не захочет прислушаться к нашим требованиям, то да. И по-моему, надежда на его согласие очень невелика. Поэтому нужно заранее быть готовыми ко всему.

– Но он мой родич! Пролив его кровь, я себя обесчещу, – по-юношески запальчиво заявил Дарий.

– А я так не считаю! – решительно возразил Гидарн. – Нам всем пора понять, что, потакая Спитаку, Бардия предал нас – персов. И пусть он хоть трижды сын Кира, он – враг. А как поступают с врагом – ты знаешь.

– Может, это по недомыслию?

³² Потомки исторических скифов, оставшиеся жить на ассирийских землях после возвращения большинства соплеменников на северный Кавказ.

³³ Титул главы сагартиев, вероятно переводимый как «царь даров» (дваров).

– Скоро узнаем. Только пойми меня правильно, я совсем не жажду его крови. Но мне кажется, он уже сделал выбор между нами и своей мидийской родней. К тому же ходили слухи, что он вовсе не сын Кира.

Почувствовав, что Дарий еще не готов разделить его точку зрения, Гидарн решил вначале заставить того усомниться в происхождении Бардии. Ему было хорошо известно родовое высокомерие младших Ахеменидов.

– А что ты об этом знаешь? – сразу заинтересовался Дарий.

– Немного... Только то, что он родился через семь месяцев после женитьбы Кира на вдове Спитама. И то, что слухи о его незаконном происхождении царь быстро пресек, назначив младенца сатрапом Мидии.

– Но ведь рожают и семимесячных...

– Случается, – неохотно согласился Гидарн. – Но бывает и так, что сама женщина не знает, от кого у нее ребенок.

– Значит, это всего лишь догадки, – огорчился Дарий.

– Конечно, но если их сопоставить с его поведением и с тем, как он относится к нам, персам, можно уже делать выводы.

Произнеся последнюю фразу, Гидарн неожиданно предложил оставить большую часть воинов здесь, пояснив, что появление рядом с царской крепостью четырех сотен персов обязательно насторожит Спитака.

– ...А нам сейчас это совсем не нужно.

Согласившись, Дарий все пытался уяснить для себя, прав ли приятель в своем отношении к Бардии. Завтра предстоял тяжелый день, а он еще долго не мог заснуть, стараясь разрешить одолевавшие его сомнения.

Утром Дарий проснулся в дурном настроении и сразу подумал, что Гидарн, по-видимому, прав. Младший сын Кира, если тот даже им был, уже сделал свой выбор, и он – Дарий – тоже должен его сделать, после чего пусть боги решают, кто из них прав. И тут же сын Гистаспа пообещал себе постараться сделать все, чтобы убедить царя не следовать пагубным советам Спитака.

К тому времени Гидарн уже отобрал несколько десятков воинов из азатов Кармании и Персии, которые поедут вместе с ними в Сакайватиш³⁴, где находился царь. Все остальные должны были укрыться неподалеку в поросшей кустарником балке и дожидаться там их возвращения. Отсюда до царской ставки оставалось не более четырех-пяти фарсахов.

Крепость Сакайватиш, построенная Киаксаром³⁵, должна была оберегать мидийскую столицу от набегов саков. Но граница вскоре передвинулась далеко на север, и, утратив военное значение, крепость еще при Астиаге пришла в полное запустение. Восстановили ее только при Камбисе, когда она стала одним из мест летнего проживания мидийского сатрапа. Тогда же внутри крепости построили довольно скромный дворец, ставший теперь царским.

Дарий еще никогда не бывал в этих местах и присматривался ко всему с неподдельным интересом. Первое, что бросилось в глаза, – дома здесь стояли отдельными группами и только у самой крепости шла сплошная застройка. Сама же крепость не произвела на него впечатления, в отличие от царской цитадели Акбатан она не поражала мощью.

«...И все же, – отметил он про себя, – взять эти стены, возвышающиеся на полтора десятка локтей³⁶, будет нелегко».

Заметив подъезжающих всадников, стража у ворот явно забеспокоилась. Дарий оглянулся, но кроме четырех десятков своих спутников, никого больше не увидел.

³⁴ Точнее, Сикаяуаватиш – мидийская крепость и столица области Ниссайя.

³⁵ Мидийский царь, отец Астиага, при нем Мидия освободилась от господства скифов.

³⁶ Персидский локоть – 440 миллиметров.

«Неужели нас испугались? – мелькнуло у него в голове. – Похоже, так и есть...» – решил он, потому что внутри крепостных ворот начала медленно опускаться решетка из деревянных брусьев.

– Тотнай, скачи вперед, а то они со страху еще стрелять начнут, – приказал сын Гистаспа.

Когда Дарий и Гидарн подъехали к воротам, Тотнай уже ругался со стражниками, которые все же опустили решетку.

– Позовите начальника! – приказал стражникам Гидарн.

И вскоре тот появился у крепостных ворот.

– Кто такие?! Что надо? – с напускной суровостью, заносчиво спросил одетый в серебряно-чешуйчатый хитон совсем юный начальник стражи.

Его нахальная самоуверенность и вызывающее поведение сильно задели Гидарна. И все же, помня о важности встречи с царем, племянник Эобаза постарался сдержаться, но этот сосунок с только начинавшими пробиваться усами, продолжая свой допрос в том же духе, в конце концов вывел его из себя.

– Тебя, видно, мало драли в детстве, если ты так разговариваешь со старшими, – заметил Гидарн наглецу. – Но это еще не поздно исправить.

– Тоже мне учитель выискался, – только и нашелся что ответить растерявшийся от неожиданной дерзости юноша. – Сейчас я тебя самого, помет коровий...

– А ты знаешь, кого оскорбляешь?

– А ты?

– Козленка, у которого ни рогов, ни ума еще нет.

– Сам ты шакал персидский, проваливай, пока цел...

– Мы, конечно, можем уехать, – вмешался в перебранку Дарий. – Но что скажет царь, когда узнает, как ты встретил его родственников, приехавших по важному делу. Так что лучше сообщи своему начальнику о приезде сына Гистаспа – Дария и представителей знати карманиев.

Но юнец уже явно не владел собой из-за охватившей его ярости и злобы. Трудно сказать, чем могло закончиться их столкновение, если бы в тот момент к воротам крепости не подошел багапат царя Артасира.

– Что здесь происходит? – строго спросил он у начальника стражи.

– Мы приехали к царю по важному делу, – поспешил объяснить ему Дарий. – А этот юноша, еще не выслушав, начал грубить моему спутнику Гидарну. Разве так должны себя вести слуги царя?

– Кто это начал... – возмутился юный стражник.

– Прекрати, Армис! – сразу осадил молодого человека багапат. – В твои обязанности не входит затевать ссоры с приезжими, ты обязан их выслушать и доложить обо всем Спитаку или мне. Пока я замещаю хазарпата и являюсь твоим непосредственным начальником. А вас прошу извинить его, если он был недостаточно вежлив.

Нравоучения Артасира явно не понравились юноше, но он промолчал из уважения к сединам багапата, продолжая бросать злобно-гневные взгляды на приезжих.

– Если не ошибаюсь, ты сын Гистаспа, – обратился Артасир к Дарию, на что тот утвердительно кивнул. – Боюсь, что царь сейчас не сможет тебя принять, но если, как ты говоришь, дело важное, то я немедленно доложу ему о вашем приезде. Откройте ворота!

Так Дарий и его спутники оказались внутри крепости. Первое, на что они обратили внимание, – были небрежные кучи строительного мусора. По-видимому, восстановительные работы в крепости все еще продолжались. Данное обстоятельство не могло не заинтересовать персов в связи с планами заговорщиков.

– Зря вы с ним связались, – упрекнул Дария Артасир, когда они отошли от ворот. – Теперь попасть к царю будет еще труднее. Если, конечно, он не примет вас сейчас, в чем я глубоко сомневаюсь.

– Почему труднее? – удивился Дарий.

– Этот юнец, недавно занявший должность царского спаспата³⁷, двоюродный брат царицы Пармиды, и если ей пожалуется...

– Но я тоже родич царя.

– Может, ты не слышал, но персы у нас сейчас не в чести, особенно в последнее время, – пояснил подчеркнуто сокрушенно багапат.

– Но ведь я могу рассчитывать на друга моего отца.

– К сожалению, я не всемогущ.

– А Отан мне говорил...

– Когда ты с ним виделся? – спросил, явно заволновавшись, Артасир.

– Вчера, и он дал мне вот этот перстень, сказав, что я могу рассчитывать на твою помощь. Бросив быстрый взгляд на перстень, багапат еще больше забеспокоился.

– Чего ты хочешь?

– Нам нужно срочно переговорить. Здесь, кажется, это сделать будет сложно...

– И не только тут. Боюсь, что после гибели Прексаспа за мной тоже станут следить. Спитак сейчас никому не доверяет.

– Разве Прексасп погиб? – переспросил крайне удивленный Дарий.

– Сегодня утром со всей округи собрали народ, для того чтобы патисах лично опроверг слухи, что он якобы по приказу Камбиса убил Бардию, еще во время похода в Египет. Но Спитак просчитался, Прексасп не только не опроверг их, но и призвал собравшихся выступить против самозванца, захватившего власть. После чего бросился с башни и разбился насмерть. А теперь мне надо идти, а то этот паршивец Армис уже стал на нас подозрительно поглядывать.

«Смерть Прексаспа могла многое изменить», – думал Дарий, дожидаясь ушедшего доложить об их приезде Артасира.

Так считал и Гидарн который, узнав о гибели патисаха, сильно расстроился. Прексасп не только приходился ему дальним родственником, но и был другом отца.

– Не забудь, что нам надо как можно быстрее встретиться, – напомнил Дарий, когда вернувшийся багапат сообщил, что Спитак и Бардия готовы его принять.

– Только одного, – добавил Артасир, увидев, что Гидарн собирается идти вместе с сыном Гистаспа.

– Это все же лучше, чем ничего, – поддержал растерявшегося Дария приятель. – Тебе нужно идти, только постарайся настоять на нашей встрече с царем. Это очень важно.

Но увидеться с царем Дарию так и не удалось. Его принял азатпат Спитак, который сразу же пояснил, причем с показным сожалением, что сегодня Бардия не сможет принять своего родственника. При этом он картинно развел руками, сославшись на важные государственные дела, которыми сейчас занят царь.

– Артасир сказал, что у тебя очень срочное и важное дело. Поэтому я готов тебя выслушать.

– Дело действительно спешное, – подтвердил Дарий, с интересом разглядывая Спитака, которого видел всего лишь раз перед египетским походом, да и то мельком.

Тогда сводный брат Бардии поразил его скромностью одежды, единственным украшением которой был плетеный золотистый пояс, трижды обмотанный вокруг талии, как делали

³⁷ Глава стражников.

все последователи Заратуштры; да еще пронзительным неприятно колким взглядом. Правда, сейчас карие глаза Спитак выражали всего лишь беспокойство и настороженность.

– Но я могу изложить его только царю, – заявил Дарий. – Пойми меня, пожалуйста, правильно.

– Понимаю, но тогда, к моему глубокому огорчению, я ничем не смогу тебе помочь. Как я уже говорил, сегодня царь очень занят.

– А когда я смогу его увидеть?

– Завтра, как ты знаешь, у нас праздник Багаядиш. Боюсь, государь тоже будет целый день занят. Так что, вероятнее всего, ты увидишься с ним послезавтра. Можно было бы, конечно, попытаться убедить его встретиться с тобой раньше. Но для этого я должен знать, о чем пойдет речь.

– О желании быть ему полезным, пусть вечно сияет над ним солнце!

– Похвальное желание, – улыбнулся уголками губ азатпат, бросив любопытный взгляд на сосредоточенное угрюмое лицо Дария. – Особенно когда отличительной чертой персидской знати стали исключительно высокомерие и неучтивость. Но не спеши обижаться, я всегда стараюсь относиться к людям так, как они того заслуживают, – по справедливости.

И все же Дарий обиделся. Сводный брат Бардии был старше его всего на несколько лет. Хотя, в отличие от сына Гистаспа, Спитак уже прославился как полководец в войне с саками, но это не давало ему никакого права разговаривать так со своим сверстником и равным себе по положению.

– Хорошо, я не хочу стать даже косвенным виновником кровопролития, которое вот-вот начнется, – уже раздраженно продолжил Дарий. – Я привез жалобу азатов Кармании, и теперь от тебя зависит, прольется ли там в ближайшее время кровь.

– Тогда я, конечно, постараюсь ускорить твою встречу с царем, – пообещал азатпат, всем своим видом давая понять, что их разговор на этом закончен.

Данное обещание ни к чему его не обязывало, но позволило выяснить причину приезда персов. Если в первую минуту он на самом деле встревожился, то, хорошенько поразмыслив, решил, что, пока у азатов Кармании есть надежда на вмешательство царя, серьезной опасности они не представляют.

– Может, все же умерить пыл Вахьяздаты? – предложил встревоженный Бардия, когда Спитак доложил ему о причине приезда сына Гистаспа.

– Зачем? Ведь ясно уже, что выступить открыто азаты пока не решатся. А через полгода у сатрапа Кармании будет достаточно сил, чтобы подавить любой мятеж. Меня сейчас больше беспокоит история с Прекаспом. Я распорядился перекрыть все дороги, но боюсь, слухи это не остановит.

– А что с приездом хазарпата? – поинтересовался царь, явно не воспринимая всерьез тревогу сводного брата.

– Завтра он должен вернуться. Но даже присутствие здесь Маздака ничего не изменит. Нам нужно что-то придумать, чтобы как-то предотвратить расползание слухов.

– Да что ты так испугался этой чепухи?!

– При определенных обстоятельствах данная чепуха может серьезно осложнить наше положение. Хотя надеюсь, до этого не дойдет.

Спитак старался не обременять сводного брата лишними волнениями и заботами. Поэтому только он знал, в каком сложном положении они оказались, отменив на три года все подати. Данное обещание, безусловно, помогло Бардии утвердиться на троне, но и сильно ослабило их возможности влияния на происходящее в стране. И что с этим делать, азатпат пока не знал.

Глава четвертая

Со своим отъездом из Акбатан Отан не спешил. Прежде чем покинуть город, он тайно встретился с примкнувшими к заговору мидийцами. Было решено к действиям в Ниссайте их не привлекать, а поручить, когда потребуется, взять под контроль столицу.

Мидийская знать примкнула к заговорщикам, опасаясь, прежде всего, Спитака. Многие из них в прошлом приложили руку к гибели его отца и теперь боялись мести. К тому же наметаемые азатпатом реформы затрагивали их кровные интересы. В первую очередь это касалось возвращения общинных земель, уже давно захваченных племенной знатью.

Отан покинул Акбатаны только на следующий день, и то ближе к вечеру, с таким расчетом, чтобы до темноты оказаться в своем загородном поместье. Там он собирался переодеться, поменять лошадей и незаметно покинуть усадьбу. А утром слуги должны были разнести слух о болезни, приковавшей хозяина к постели.

Но все пошло не так, как рассчитывал глава заговорщиков, – сразу же за городом ему встретился посыльный с письмом от дочери. Та сообщала о гибели Прекаспа зло, издеваясь над бессилием Бардии и Спитака что-либо изменить, так как со смертью патисаха слухи о самозванце на троне обрели необходимую для государственного переворота реальность ³⁸.

– А с тобой что случилось? – заметив кровь на одежде гонца, спросил Отан, напряженно размышляя над известием о гибели Прекаспа.

– Да чуть не подстрелили на одной из застав. Слава богам, у меня под одеждой доспехи, а то бы пришлось худо.

– Хорошо, за это письмо ты получишь втрое против обычной награды.

«Нужно немедленно все отменять!» – решил глава заговорщиков, запаниковав. Ему сразу представилось, какой переполох начался при царском дворе...

Но отправлять кого-то в поместье Мегабаза было нельзя. Собравшиеся там заговорщики могли просто не поверить его посланцу. Поэтому Отан решил, что лучше съездить туда самому.

Чтобы не терять времени, он на первом же привале приказал подать носилки. На них положили писца Сулаи, который должен был изображать заболевшего в дороге хозяина. А сам Отан, взяв десяток воинов, незаметно покинул кортеж, надеясь еще до темноты оказаться в Ниссайте. Однако осенью сумерки коротки, к тому же небо заволочло тучами, и главе заговорщиков пришлось изрядно поплутать, разыскивая поместье Мегабаза. Еще Кир подарил отцу Мегабаза земли рядом с Ниссайской степью, зная его страсть к лошадям, и тот собрал там самые известные породы. Сын продолжил начатое отцом дело и не жалел для этого средств.

К усадьбе друга Отан подъехал еле живой. Ему уже давно не приходилось так долго ездить верхом, и чувствовал он себя отвратительно. Нестерпимо болела спина, так что слугам даже пришлось помогать ему слезть с лошади.

– Ничего, я сейчас приду в себя, – пообещал Отан, встречавшему его во дворе хозяину. – Все приехали?

– Все, кроме Дария.

– Его ждать не будем, есть важные новости.

Видя озабоченность бывшего хазарпата, Мегабаз без лишних слов проводил того к собравшимся в одной из комнат заговорщикам. Известие о гибели Прекаспа произвело на всех удручающее впечатление.

– Но ты же говорил, что ему ничего не угрожает? – первым нарушил тягостное молчание Артима.

³⁸ Данное обстоятельство позволило персам позже утверждать, что трон захватил Лжебардия, а не настоящий брат Камбиса – Бардия.

Посмотрев на искаженное болью и страданием лицо племянника, узнавшего о смерти отца, Отан сразу пожалел, что попросил Мегабаза взять Артимана с собой, предполагая, что глава царских конюших может им пригодиться. Надо было оставить сына Прекаспа в Акбатанах, не время сейчас было выяснять отношения.

– Я понимаю, тебе тяжело, – попытался он успокоить юношу. – И готов выслушать все твои упреки, но только не сегодня. Сейчас нам нужно думать о другом.

– О чем, о чем я еще могу думать!.. – воскликнул в отчаянии племянник.

– О том, как нам действовать дальше, – перебил его, теряя терпение Отан. – При дворе сейчас все настороже, и выступать в такой обстановке я считаю безумием. Полагаю, надо переждать.

– А как же смерть отца?! – На глазах у Артимана заблестели слезы. – Она что, останется неотомщенной?

– Я желаю этого не меньше твоего. Но сейчас мы не должны позволять чувствам владеть над разумом, – еле сдерживая раздражение, пояснил Отан. – Обещаю, твой отец будет отмщен. Клянусь Митрой³⁹, и пусть его гнев падет на меня, если я не сдержу слова!

Обещание бывшего хазарпата как будто подействовало, и племянник постарался взять себя в руки. А Отан извинился перед всеми за его несдержанность.

– Артимана можно понять, – посочувствовал сыну Прекаспа Интафрен. – А вот как понимать тебя. Ведь ясно же, что в ближайшее время Спитак узнает о нашей сегодняшней поездке сюда. И что тогда?

– Сейчас ему будет не до нас, – возразил Отан. – А там посмотрим.

– Если только он ничего не знает о заговоре. В чем я лично глубоко сомневаюсь, – заупрямился Интафрен, у которого были на то основания. Ведь именно он дней десять назад встретился с Прекаспом, делая еще одну попытку втянуть того в заговор. – Не такой азатпат глупец, чтобы арестовать патисаха из-за каких-то слухов.

– Зачем он тогда потребовал их опровергнуть?

– Это можно было сделать и без ареста. При дворе каждому ясно, что появившиеся слухи чистейший вздор. Вероятно, Спитаку нужен был повод, и он его нашел.

– Так, может, сам азатпат и распустил слухи? – с издевкой поинтересовался Отан.

– Вряд ли, скорее всего кто-то из наших друзей постарался. И эта глупость стоила отцу Артимана жизни. А Прекасп, поняв, что его все равно не оставят в покое, решил на самоубийство. Поэтому мы будем просто законченными олухами, если не воспользуемся мужественным поступком патисаха. Ведь теперь многие верят, что на троне сидит самозванец.

– Я согласен с Интафреном, – неожиданно поддержал приятеля Мегабаз. – Пока гибель Прекаспа у всех на устах, мы можем рассчитывать на поддержку народа.

– И все же суваться туда завтра рискованно, – не согласился с ними Гобрий. – Надо подождать хотя бы приезда моего зятя, а там уж принимать решение.

Доводы Интафрена поколебали уверенность Отана: «Не поторопился ли я, предложив отложить выступление?..» – подумалось ему с все возрастающим сомнением.

Но собраться сейчас с мыслями Отану было трудно, они расплывались, как глинописные значки, когда он на них смотрел. Разомлевшему в тепле главе заговорщиков сильно хотелось спать, и он согласился дожидаться Дария, после чего попросил хозяина дома показать место, где было бы можно вздремнуть.

Мегабаз лично проводил бывшего хазарпата в свою спальню. Но не успел глава заговорщиков прилечь, как ему сообщили о приезде Дария и Гидарна. Появление последнего не сулило Отану ничего хорошего.

³⁹ Индоиранский бог клятвы и соблюдения договора. Большинство персов в то время поклонялись своим племенным богам.

«Как посмел сын Гистаспа привезти этого ублюдка с собой, – негодовал бывший хазарпат, одеваясь, – Ни с кем не посоветовавшись и наверняка зная о нашей вражде! Что это – глупость или вызов?..»

Все заговорщики были в сборе, когда к ним присоединился Отан с покрасневшим от возмущения лицом. Но Гидарн успел предупредить его вспышку гнева, заговорив первым:

– Я понимаю, что мое появление для всех неожиданность. Приехать сюда меня попросил Дарий, но не торопитесь его осуждать, так как опасность, угрожающая всем нам, слишком велика. И справиться с ней мы сможем, только позабыв, хотя бы на время, все наши прежние обиды. Со своей стороны я это обещаю.

Было заметно, как сразу разгладились морщины на гневном лице Отана, явно не ожидавшего от Гидарна такого заявления.

– Прошу меня тоже простить. – Дарий также поспешил извиниться. – Но гибель Прексаспа, о которой вам уже известно, и другие обстоятельства сложились так... В общем, я подумал, что мне будет трудно убедить вас выступить немедленно, как просил Артасир. И присутствие человека опытнее меня в военном деле позволит вам составить более точную картину. Потому что на рассвете мы должны быть у ворот крепости.

– К чему такая спешка? – удивился озабоченно Гобрий.

– Дело в том, что другого такого случая нам может не представиться. Это не мои слова, а багапата, – пояснил зять. – Сейчас он исполняет обязанности отсутствующего хазарпата и ему подчинена вся стража, а это, как вы понимаете, во многом облегчит нам задачу. Вчера Спитак распорядился перекрыть все дороги, чтобы хоть как-то предотвратить распространение слухов, связанных с гибелью Прексаспа. Артасир этим воспользовался и отрядил в дозоры верных Бардии сагартийских воинов. В крепости их осталось не много, в основном там сейчас находятся мидийцы, те, на кого мы в какой-то степени можем рассчитывать. А главное – утром крепостную стражу будет возглавлять племянник Артасира Багей. Так что если мы поспешим, успеем как раз вовремя.

– Но как мы незаметно доберемся до крепости, если все дороги перекрыты? – возразил Отан. – С другой стороны, допустим, мы даже захватим крепость. Что дальше?

– Дороги перекрыты только для уезжающих из Сакайватиш, к тому же багапат дал нам проводника, который знает в округе каждый куст. Что касается второго вопроса, то Артасир обещал, что после захвата крепости нас многие поддержат. Гибель Прексаспа для большинства явилась подтверждением того, что на троне сидит самозванец.

– Все же это слишком рискованно, – признался, все еще сомневаясь, бывший хазарпат.

Почувствовав, что большинство заговорщиков разделяет его мнение, Дарий постарался как можно подробнее рассказать о своей встрече со Спитаком. Затем он пересказал весь разговор с Артасиром при их встрече за стенами крепости, особенно обращая внимание собравшихся на высказывания багапата о вероятных действиях сводного брата царя против непокорных азатов.

– ...Так что нам не на что надеяться, – подытожил он. – Спитак опасный, сильный противник, и только решительные действия могут нас спасти.

– Да чего тут раздумывать, надо ехать! – первым поддержал его Артиман. – Они мне дорого заплатят за гибель отца!

Согласились с сыном Прексаспа и другие. Только Гобрий продолжал осторожно возражать. Отан в их споре не участвовал, обдумывая предложенный Артасиром план. К мнению багапата он привык прислушиваться. Настораживало главу заговорщиков только упорное молчание Гидарна и его неожиданное спокойствие.

«Что-то они недоговаривают?..» – подумал он.

А Гидарн просто не хотел вмешиваться, чтобы лишний раз не раздражать Отана. Об этом они договорились еще дорогой, но на любые вопросы он был готов ответить. Его же спокой-

ствие объяснялось тем, что Дарий обещал воспользоваться планом Артасира в любом случае: для захвата крепости сил у них самих хватало. Гидарн вообще предлагал ехать не сюда, а сразу к оставленным ими в степи воинам.

– Так, значит, Спитак не захотел даже допустить тебя к царю? – переспросил Отан Дария, когда споры приутихли.

– Думаю, да. Артасир сказал, что он застал их вместе, когда докладывал о моем приезде.

– Неужели все это можно воспринимать всерьез? – возмутился Гобрий, опасаясь, что сейчас бывший хазарпат согласится поддержать казавшийся безумным план.

– В дни нашей юности многие так же отнеслись и к выступлению Кира, а чем все закончилось, не мне тебе рассказывать, – возразил Отан, решивший, что упускать такой случай грешно. – Думаю, нам следует довериться Артасиру. Хотя не помешает подстраховаться, собрав сюда всех имеющихся в нашем распоряжении воинов, чтобы в случае неудачи у нас хватило сил взять крепость штурмом.

Как и предвидел Гидарн, мнение Отана оказалось решающим. И уже через полчаса заговорщики во главе двух с лишним сотен воинов покинули усадьбу Мегабаза.

Небо на востоке уже просветлело. Там зарождался новый день.

Глава пятая

Артасиру тоже не пришлось спать ночью. Вернувшись после встречи с Дарием, он был неожиданно вызван к Спитаку.

– Куда ты пропал? – спросил тот, нервно расхаживая по залу, где обычно занимался государственными делами. – Почему мне всегда приходится тебя разыскивать?

– Мне нужно было отлучиться домой. Ведь завтра праздник и я не смогу покинуть крепость, так как замещаю хазарпата.

Спитак бросил на него недоверчивый взгляд, но ничего не сказал. Их отношения в последнее время и так сильно ухудшились. Сводный брат царя подозревал, что нехватка в казне средств вызвана не столько их отсутствием, сколько нежеланием багапата выделять деньги по его требованию. Понимал азатпат и то, что пока не может обойтись без услуг Артасира, и это больше всего раздражало.

– Именно поэтому я хотел тебя видеть. Завтра возвращается Маздак, а пока тебе следует усилить охрану крепости. И чтобы ни один перс здесь больше не появлялся! Ты меня понял?!

– Да, понял, – склонился Артасир в учтивом поклоне.

Вернувшись к себе, багапат решил, что настало время действовать. Всякий раз встречаясь со Спитаком, Артасир почти осязаемо чувствовал, как петля все туже затягивается на его шее. Этому следовало положить конец.

Первым делом он вызвал к себе Армиса и распорядился усилить охрану.

– ...Потом объедешь все посты в округе, проверишь, как несут службу твои воины. Ночью можешь не возвращаться, отдохни дома и подъезжай сюда к полудню.

– А как же... – хотел было возразить юноша, растерявшийся оттого, что не имел права так надолго покидать крепость. Но Артасир его резко перебил:

– Не считай себя умнее других! Я, что ли, должен на старости лет таскаться ночами по степи и отчитывать твоих дармоедов? К тому же это твоя прямая обязанность.

Разобравшись так с царским спаспатам, он подождал, пока за Армисом закроются ворота крепости, и вызвал племянника Багея. Рано оставшийся без родителей, тот заменил багапату погибшего на войне с саками сына.

– Твоя задача – расставить верных нам людей так, чтобы на рассвете у ворот и дворцовых дверей дежурили именно они. Нужно также взять под контроль все оружие, находящееся в крепости.

– Понял, но ведь во дворце тоже много оружия.

– О нем можешь не беспокоиться, это уже мои заботы. Тебя касается только то, которым пользуется стража. В общем, нужно все подготовить так, чтобы минут за десять после сигнала все ненадежные стражники были разоружены.

После ухода Багея Артасир еще раз продумал все, что ему предстояло сделать, и только после этого пошел проверять посты. Затем весь остаток ночи он собирал по дворцовым покоям оружие и прятал так, чтобы его нельзя было сразу найти. А под утро багапат снова встретился с племянником.

– У меня все готово, – доложил тот. – Правда, с сагартийской сотней могут быть проблемы...

– Значит, обрати на нее особое внимание, – не захотел вдаваться в подробности Артасир. – Если что, я буду находиться у крепостных ворот.

Он зря так торопился, первая группа персов подъехала к воротам только через час, когда нервы багапата были уже на пределе.

– Что так долго?! – возмущенно накинулся он на возглавлявшего подъехавших всадников Дария. – И где остальные?

– Сейчас подъедут. Мы решили въехать в город небольшими группами, чтобы не привлекать внимания. А как тут дела?

– Все в порядке, не считая вашего опоздания, которое может нам дорого обойтись.

– Да вон они уже едут, – поспешил успокоить багапата сын Гистаспа. – Открывайте ворота!

– Слава богам! Поднимай решетку, – распорядился Артасир. – Я останусь здесь, а вы поспешите во дворец.

Подъезжавшие воины, заметив открытые ворота, поехали быстрее. Справа показалась еще одна группа всадников, скачущих к крепости, и багапат окончательно успокоился.

– Тотнай! Останься с двумя десятками воинов здесь, – приказал Дарий, решив подстраховаться. – За ворота отвечаешь головой.

Подъехав к дворцу, сын Гистаспа соскочил с коня и обернулся. Как раз в ту минуту в воротах появился Отан. Дарий быстро вбежал по дворцовой лестнице, стража у дверей ему не препятствовала, но, не зная расположения внутренних покоев, он остановился, решив дождаться бывшего хазарпата.

– Чего стоишь! – еще издали крикнул ему тот, еле передвигая затекшие от долгой скачки ноги. – Быстрее во дворец, мы не должны дать им опомниться и организовать оборону.

На Дария его слова подействовали как удар плети, однако, вбежав внутрь дворца, он опять растерялся.

– Царская половина находится справа, – подсказал один из мидийских стражников.

– Веди! – приказал Дарий и последовал со своими людьми за ним.

Перед царскими покоями мятежникам преградил путь старший евнух⁴⁰ с кинжалом в руке. Здесь же находились и его помощники, вооруженные кто чем. Сознывая, что персы пришли сюда не поздравлять царя с праздником Багаядиш, евнух все же нашел в себе мужество потребовать от них остановиться и объяснить причину дерзкого вторжения.

– А ты еще не понял, разжиревшая свинья, – выскочил вперед сын Прексаспа.

И тут же сверкнувший в его руках меч рассек тучное тело, после чего младшие евнухи с криками и проклятиями набросились на убийцу. Завязалась ожесточенная схватка, но силы были не равны. Персы за несколько минут расправились с единственными защитниками дворца. Как только путь оказался свободен, Артиман кинулся к дверям царских покоев, и Дарий поспешил за ним.

Ворвавшись туда, заговорщики увидели своего главного врага, мечущегося с луком в руках в поисках стрел или какого-нибудь другого оружия. А впереди его стоял, сжимая в руках копьё, Бардия.

Сын Прексаспа рванулся к нему, но был остановлен окриком запыхавшегося Отана:

– Стоять!.. Прежде я должен с ним поговорить.

Все застыли, словно в оцепенении, даже Спитак перестал бестолково метаться по залу.

– Мне не о чем говорить с предателем, – высокомерно заявил сын Кира.

– Тебе все же придется меня выслушать. То, что сегодня случилось, – итог пагубных советов, которыми ты руководствовался с самого начала правления. Я тебя предупреждал, что мы не станем спокойно смотреть, как разрушают наши дома. Поэтому мы здесь и требуем от тебя жизнь Спитака.

– Этому не бывать!.. – возмутился царь, разразившись бранью и проклятиями.

– Одумайся, государь, заклинаю тебя!

Вместо ответа Бардия, похоже, хотел метнуть в главу заговорщиков копьё, но передумал, побоявшись лишиться единственного оружия. Его враждебное движение ввело в заблуждение

⁴⁰ Евнухами становились только скопцы, но гарема в позднем значении этого слова тогда еще не существовало. Да и многоженство было редкостью.

стоявшего рядом с Отаном Интафрена, который сделал несколько шагов, и тут же копьё царя угодило ему в глаз. На помощь Интафрену рванулся Артима́н, но сын Кира уже успел отскочить и был готов отразить новую атаку.

Увидев, что кровь пролилась и персы уже ни перед чем не остановятся, Спитак, бросив бесполезный лук, кинулся в соседнюю комнату. За ним устремился Гобрий, не позволив азатпату запереть за собой дверь. Между ними завязалась отчаянная борьба, с явным преимуществом более молодого и сильного Спитака. Дарий ничем не мог помочь тестю, в комнате было слишком темно, так что он едва различал фигуры дерущихся.

Почувствовав, что силы его оставляют, Гобрий попросил о помощи.

– Но я боюсь тебя задеть...

– Рази обоих! – прохрипел из последних сил тесть Дария. И почти сразу же почувствовал, как хватка врага ослабевает.

– Еще чуть-чуть, и я был бы на том свете, – признался Гобрий, выбираясь из-под обмякшего тела азатпата. – Здоровущий, подлец, оказался.

Наклонившись, он схватил Спитака за волосы и одним ударом отрубил ему голову.

– Зачем это? – не скрывая отвращения, спросил Дарий, увидев в руках тестя окровавленную голову.

– Так будет надежнее...

Когда они вернулись в соседнюю комнату, Бардия был уже мертв. Но и заговорщики понесли потери, кроме ранения Интафрена удар в бедро получил Артима́н.

Увидев в руках Гобрия голову мага, Гидарн нагнулся над убитым царем, намереваясь и ему отрезать голову. Но Отан неожиданно воспротивился:

– Он все же сын Кира и должен быть похоронен по-царски.

– Отрубленная голова этому не помеха, ведь и Кира хоронили с отрезанной саками головой, – возразил Гобрий. – А сейчас мы должны показать народу голову убитого Лжебардии.

– Если нужно, возьмите голову любого из слуг, – заупрямился бывший хазарпат.

– Евнухи для этой цели не подойдут, а других голов у нас нет, – улыбнулся Гидарн. – Да и вообще не пойму, что обидного для Бардии, если его головой немного попользуются.

– Не время сейчас шутить, – осадил весельчака Гобрий. – Отан, ты же сам понимаешь, что народу мы должны предъявить именно его голову, а не кого-нибудь другого.

– Делайте что хотите, – махнул рукой глава заговорщиков и направился к выходу. – Только быстрее. У нас много дел.

К тому времени уже вся крепость находилась в руках персов. Причем досталась она им почти без сопротивления. Не считая стычки с евнухами и сагартиями, большая часть из которых, поняв, что силы неравные, попросту разбежалась. Данное обстоятельство сильно обеспокоило Артасира.

– Ты думаешь, они представляют для нас угрозу? – спросил Отан, когда багапат сообщил ему о сбежавших охранниках.

– Если им дать время собраться вместе – то да. Поэтому нужно немедленно направить сильный отряд в лагерь сагартиев. Он находится в фарсах к северу от крепости.

– Сколько их там? – поинтересовался бывший хазарпат встревоженно.

– Около тысячи, хотя сейчас большая часть еще находится на постах вокруг города. Но у нас в запасе от силы час, чтобы не дать им собраться.

Поняв серьезность угрозы, Отан стал прикидывать, какими силами они располагают. Силы заговорщиков оказались весьма скромными. Не считая верных багапату мидийцев, они могли пока рассчитывать только на персов и карманиев, а их всех вместе насчитывалось чуть больше шести сотен.

– Да и здесь еще немало явных сторонников Спитака, – продолжил объяснять сложившееся положение Артасир. – В первую очередь, это живущие при дворе маги и их прихвостни из мидийской знати. С ними тоже надо как можно быстрее разобраться.

– Так действуй, обстановку в округе ты знаешь лучше меня.

– Я уже к кое-кому отправил воинов, но они мидийцы и за полную их надежность ручаться нельзя. Лучше, если бы это взяли на себя персы, а проводников я им подберу.

– Хорошо. Тогда пусть твои мидийцы будут готовы выступить против сагартиев. Я сам их поведу. Тебе же оставляю для обороны крепости сотню персов во главе с Гобрием.

Между тем перед воротами крепости уже собралась большая толпа. Самое время было объявить о свержении самозванцев. Теперь Отан отчетливо понимал, что без поддержки народа, пусть даже временной, им придется туго.

В собравшейся толпе большинство составляли мидийцы, и, сознавая всю щекотливость положения, он попросил первым выступить Артасира. Тот, как мидиец и багапат царя, должен был вызвать у народа больше доверия.

Артасир обратился к народу с той самой башни, где днем ранее стоял, выступая, Прексасп. Да и речь свою он начал с упоминания о гибели патисаха, который первым открыто заявил о захвате власти самозванцем и его братом магом.

– ...Они принуждали нас не почитать родовых богов, – обрушился он на магов. – Заставляли разрушать храмы, где молились наши предки. Они узурпировали власть и хотели, чтобы все мы стали их послушными рабами...

– Смерть магам! – раздались в толпе редкие гневные выкрики.

– Вот головы этих лживых негодяев. – Багапат повернулся к стоявшему рядом Гобрию, который сразу же поднял над собой головы царя и его сводного брата. – Они уже заплатились за свои грехи, но еще живы их приспешники, от которых мы тоже натерпелись. Я призываю вас к мести! Смерть магам и их прихвостням!

– Смерть им!!! – взревела неожиданно единодушно и оглушительно толпа. А затем в ней как по команде началось движение, и люди разделились на группы, которые с возгласами «Смерть магам!» двинулись в сторону жилых кварталов.

Отан решил, что в его выступлении уже нет необходимости.

– Твои люди хорошо обработали толпу, – похвалил он Артасира.

– Честно говоря, я и сам не ожидал такого результата, – признался тот озадаченно и довольно. – Но подстраховаться, думаю, не помешает.

– Решай сам. А нам надо поторопиться в лагерь сагартиев. Да, чуть не забыл. У меня к тебе просьба. Отправь надежного гонца в Акбатаны к Гарпагу с сообщением о том, что здесь произошло. Что делать дальше, он знает.

Когда Отан во главе персидских и мидийских воинов выезжал из ворот крепости, он заметил, что над кварталами городка в нескольких местах уже за клубился дым. Это запылали первые дома магов и их сторонников.

Глава шестая

– Ну что там еще... – раздраженно пробурчал Армис, почувствовав, что кто-то настойчиво трясет его за плечо. Почти всю ночь он объезжал выставленные в округе посты, и сейчас ужасно хотел спать.

Как спаспату царя, ему следовало постоянно проживать в крепости. Но в связи с тем, что его сагартийские воины расположились лагерем за городом, для двоюродного брата царицы было сделано исключение, и Армис жил в подаренном царем загородном доме, между крепостью и станом кочевников.

– Мятеж! Крепость в руках персов.

– Что?! – Армис приоткрыл глаза и, резко повернувшись, увидел склонившегося над собой сотника Сутуха. – Что за шутки?..

– Какие шутки. Я едва унес оттуда ноги. Все мидийцы оказались предателями и действуют заодно с персами.

– Мидийцы с персами? – удивленно переспросил спаспат, окончательно просыпаясь. – Этого не может быть!..

– Я бы тоже не поверил, если не видел собственными глазами, как мои воины гибли под их мечами.

Верить в случившееся Армису не хотелось, но, вспомнив вчерашнюю стычку у ворот крепости с персами, спаспат понял, что все это правда.

– А что с Бардией и Спитаком?

– Не знаю. Но я уже послал людей выяснить.

– Как же это вы?..

– А что мы могли, одна сотня против двух мидийских да еще персы. К тому же мои ребята как раз отдыхали, когда они ворвались.

– Ладно, надо немедленно ехать в лагерь, – немного подумав, решил Армис. – Направь гонцов на все посты, где стоят наши люди.

– Уже сделано, в лагерь тоже поехал человек, чтобы предупредить о мятеже. Но там сейчас не больше трети воинов. А пока соберутся остальные...

– Так что ты предлагаешь?

Сутух считался смелым и опытным воином. На него Армис полагался больше, чем на других сотников. Но сейчас даже он не знал, как им лучше поступить. В конце концов решили ехать в лагерь и подготовить его к обороне.

Взойдя на престол, Бардия распустил личную охрану Камбиса, состоявшую в основном из персов. Их заменили мидийцами и сагарттями. Причем последние показались Спитаку даже более предпочтительными, так как все расходы на их содержание брал на себя тесть Бардии Читратахма⁴¹. Но сделать охрану царя целиком сагарттийской азатпат не решился, боясь возмущения мидийских азатов. Находиться рядом с государем они считали своим законным правом, попраным Киром и Камбисом.

Приехавшие в Ниссайю сагарттии не захотели жить в городе и поселились в привычной для себя обстановке. Их шатры раскинулись широко по степи, отдельными мелкими группами, и только в центре лагеря они стояли более плотно друг к другу. Здесь Сутух и велел устроить из имевшихся телег что-то наподобие укрепления.

– Вообще-то я считаю, что нам следует не обороняться, а уходить. Долго в такой «крепости» все равно не продержимся.

– Бежать! – гневно возмутился Армис. – Ни за что!..

⁴¹ Это не имя, а титул или прозвище; дословно: тахма – сильный, читра – род.

Дальнейшее негодование юноши прервало появление одного из посланных Сутухом на разведку воинов, подтвердившего самые худшие предположения. Из его рассказа выходило, что мятежники убили Спитака и Бардию.

– Это точно были их головы? – чуть не плача, переспросил Армис.

– Башня высокая, да и я стоял далеко, – честно признался воин. – Но багапат сказал, что это они. Только он назвал царя Лжебардией и призвал убивать всех его сторонников.

– Вот почему им так легко удалось овладеть крепостью, – зло заметил Сутух. – А я все не мог понять, как так получилось!

– Но почему Артасир на это пошел? – спросил юноша растерянно.

– Не все ли равно. Нам надо быстрее отсюда уходить. Теперь уже ясно, что мятеж был подготовлен и скоро к нам пожалуют гости. Мы для них сейчас как заноза в пятке.

Словно в подтверждение его слов, в той стороне, где находилась крепость Сакайватиш, появилось облачко пыли, которое стало постепенно разрастаться. Вскоре можно было уже различить всадников, быстро скачущих к лагерю сагартиев.

– Похоже, уходить уже поздно... – выругался Сутух, всматриваясь в клинообразный строй приближавшегося противника. – Всем спешиться, лошадей в центр! – скомандовал он, не обращая внимания на все еще стоявшего в растерянности царского спаспата. – Приготовить луки и стрелы. Не подпускай их к телегам, ребята!

Армис очнулся, только когда в воздухе просвистела первая стрела. Придя в себя, он, как простой воин, бросился выполнять приказание Сутуха. Своего лука у него не оказалось, и пока ему пришлось быть только наблюдателем. Но когда рядом с ним упал один из воинов, спаспат подобрал лук и колчан убитого.

Лавина всадников, натолкнувшись на преграду, стала ее обходить. Армис натянул лук, прицелился и выпустил стрелу, а за ней сразу же следующую. Так он стрелял, пока колчан не опустел. Вдруг спаспат царя увидел взобравшегося на телегу перса и занесенный над собой меч. Успев увернуться, он выхватил из ножен акинак⁴². Перс, промахнувшись, потерял равновесие и свалился с телеги. Подняться на ноги он не успел, Армис стремительно набросился на него и заколол.

Вокруг юноши кипел бой, спешившиеся мятежники штурмовали наспех выстроенные укрепления. Особенно ожесточенная схватка завязалась справа. Туда и побежал воодушевленный первым успехом Армис. Но когда он туда добрался, волна нападающих уже схлынула. Несмотря на численное превосходство противника, сагартиям удалось отбросить мятежников за укрепления. Поняв, что бой пока закончен, Армис пошел разыскивать Сутуха.

Опьянение битвой прошло, запах крови вызывал у юноши тошноту, а предсмертные агонии – страх и ужас.

– К этому надо привыкнуть, – посочувствовал ему Сутух. Сотнику в бою повезло меньше спаспата, он в кровь разбил левую руку и получил хороший удар по голове, но сильно помятый медный шлем не треснул и спас хозяина от неминуемой гибели.

– Давай я тебя перевяжу, – предложил Армис.

– Это можно сделать позже, а сейчас нам надо уходить. Второй атаки мы не выдержим. Уходить будем в горы, там наше единственное спасение.

– А успеем?

– У нас нет выбора. Все по коням!..

До близлежащих гор оставалось совсем немного, когда стало ясно, что преследователи настигнут их раньше. Вначале беглецам повезло, так как мятежники какое-то время просто не замечали их ухода. Что позволило сагартиям оторваться, но среди кочевников было много раненых, и они замедляли движение.

⁴² Скифский короткий меч; именно от слова «акинак» происходит название «кин-жал».

– Я возьму людей и попытаюсь их задержать! – крикнул Сутух Армису.

– И я с тобой!

– Ты должен остаться с ними! – возразил сотник, кивнув головой в сторону скакавшего рядом окровавленного воина. – Так что не глупи и постарайся спасти раненых... Не ждите нас, уходите сразу в горы!

Но, развернув коня, Сутух неожиданно обнаружил, что преследователи почему-то приостановились, а затем и вовсе повернули назад.

– Что бы это могло означать? – удивился, подъехав к сотнику, спаспат.

– Пока знаю лишь одно: мы будем жить! – ответил тот, всматриваясь вдаль.

Вскоре загадка разрешилась, так как стала отчетливо видна большая группа всадников, скачущих со стороны Акбатан. Стало ясно, что мятежники повернули коней, испугавшись их появления. А значит, там были свои.

– Да это же Маздак! – обрадовался Армис, рассмотрев развевающийся на ветру стяг хазарпата. – Я поскачу навстречу...

– Что случилось? – спросил Маздак, с трудом узнавая грязного и потного царского спаспата. – Почему ты здесь, а не в крепости?

Армис кратко рассказал о мятеже. Известие о гибели Бардии и Спитака так поразило хазарпата, что он еще долго не мог собраться с мыслями. А надо было что-то делать, мятежники могли вернуться с подкреплением.

– У нас много раненых, им нужна помощь, – доложил Маздаку подъехавший Сутух. – Да и вообще лучше нам отсюда убраться.

– Он прав, – поспешно согласился хазарпат. – Тут недалеко есть селение, там и решим, что делать дальше.

Его явную растерянность заметил даже Армис.

До своего назначения вторым лицом в государстве Маздак управлял мидийской областью Пишиувата. А стал хазарпатом благодаря двоюродному брату Спитаку и тому, что первым из мидийских правителей – исахов⁴³ выступил в защиту прав Бардии на престол. Опальный азатпат как раз находился у него в гостях, когда узнал о смертельной болезни Камбиса и про-
исках персидской знати.

Все прекрасно понимали, что двадцатичетырехлетний хазарпат еще долго не сможет заменить Отана с его связями и опытом. Но Спитаку, по-видимому, это было не важно, он вообще собирался упразднить персидскую должность хазарпата. Так что теперь Маздак оказался в очень тяжелом положении.

Селение, куда они через полчаса приехали, состояло из нескольких убогих глинобитных домов. Их сразу заняли раненые, а в доме старосты общины, отличавшемся от остальных только размерами, расположился сам хазарпат. Первым делом он разослал во все стороны разъезды, опасаясь неожиданного нападения. К тому же надо было уточнить обстановку в окрестностях Сакайватиш, и сведения, полученные вскоре, его сильно расстроили.

Сторонников у персов оказалось больше, чем можно было ожидать. Вероятно, местные жители поверили предсмертной речи Прексаспа и примкнули к мятежникам. Поддержала персов и часть мидийской знати во главе с багапатом Артасиром. С остальными они поспешили расправиться, так что лишь немногим приверженцам царя удалось бежать.

Подтвердилась также гибель Бардии и Спитака, один из царских слуг своими глазами видел их отрубленные головы. Это больше всего огорчило Маздака, ему стало окончательно ясно, что подавить мятеж будет непросто.

⁴³ По-ассирийски – ишшак, откуда оно было заимствовано мидийцами. Кстати, именно от него происходит иранское название государя – шах.

– Почему? – удивился Армис, когда хазарпат произнес свое предположение вслух. – У нас ведь есть войска на севере. Да и мой дядя Читратахма не оставит без наказания убийство зятя.

– Ну, тогда ответь мне на такой вопрос: кто теперь станет нашим царем?

– Как – кто?.. Не знаю...

– Вот видишь! А я всего лишь хазарпат – хазарпат царя, который убит. Так захочет ли мне подчиняться, скажем, твой дядя?..

Его вопрос заставил Армиса задуматься. Он хорошо знал кичливый нрав сайдара сагартиев, считавшего себя законным внуком мидийского царя Киаксара. Только сейчас царский спаспат осознал весь трагизм положения, в котором они оказались.

– Не знаю, как дядя, но на меня ты можешь положиться, – заверил он после довольно длительного молчания хазарпата. – Во всяком случае, пока мы не расправимся с подлыми убийцами.

– Спасибо! – поблагодарил Маздак, впервые за все это время улыбнувшись. – Тогда нам с тобой нужно решить, что делать дальше. Смотри! Вот здесь мы, здесь Акбатаны, – начал рисовать хазарпат на глиняном полу что-то наподобие карты. – А вот здесь рядом с областью древней Маны⁴⁴ твои соплеменники. И было бы неплохо, чтобы они, пока я буду сдерживать мятежников у столицы, ударили по ним с тыла.

– А для этого я должен поехать к дяде?

– И как можно скорее, пока персы не перекрыли дороги. Только имей в виду, ты едешь к Читратахме не как его племянник, а как спаспат убитого царя и мой представитель. Поэтому твоя главная задача – убедить дядю действовать совместно. А кто займет мидийский престол, будем решать потом, когда убийц настигнет справедливое возмездие.

После ухода Армиса Маздак склонился над своей примитивной картой и дорисовал на ней Арайву, Пишиувату, область Рага и Гирканию, а затем подрисовал еще Парфию и Маргиану. Последней сатрапией управлял Фраот – родной брат Спитака и сводный Бардии. Как внук Астиага, он имел полное право претендовать на царский престол. Но Маргиана находилась слишком далеко от Мидии, и на помощь оттуда в ближайшее время не приходилось рассчитывать.

С Армисом хазарпат отправил гонцов к правителям северных областей, в том числе Рамбазу в Каджену⁴⁵, который являлся ариштарганом – командующим всеми мидийскими войсками, стоявшими на границе с саками. Именно на эти войска опирался Спитак, возводя на престол Бардию, так что от позиции правителя Каджены зависело многое. Но Маздак очень сомневался, что тот захочет подчиняться ему – хазарпату.

Дело в том, что должность хазарпата была введена Киром и мидийцы относились к ней без уважения. К тому же основной обязанностью хазарпата являлось управление сатрапиями, а не командование войсками. Правда, в египетском походе Отан формально считался главным командующим, чего было явно недостаточно для признания мидийскими азнатами подобного звания за Маздаком.

В тот же вечер хазарпат отправил гонцов к Барсаму в Гирканию и к Фраоту в Маргиану. С остальными посланиями он решил пока не торопиться. Исключение было сделано только для правителя Арайвы, который приходился ему дядей. Неучастие в заговоре Пирама не вызывало сомнений. Насчет остальных правителей мидийских областей, а тем более наместников сатрапий, у Маздака такой уверенности не было.

⁴⁴ Государство, располагавшееся на территории Иранского Азербайджана, в начале шестого века до н. э. было захвачено Мидией.

⁴⁵ Позже Хазаркаджена (Великая Каджена), от которой происходит современное название «Азербайджан».

«Плохо, конечно, что я могу рассчитывать только на свои силы, – рассуждал он. – Правда, есть еще гарнизон Акбатан, да и многие из горожан захотят взяться за оружие, узнав о том, что случилось в Ниссайте...»

Наконец он позвал сотника Амиста, своего дальнего родственника, и передал ему командование отрядом.

– Твоя главная задача – следить за действиями мятежников, – напутствовал его хазарпат. – От открытого боя уклоняйся, пополняй отряд добровольцами из местных жителей, оружие тебе подвезут.

Стояла уже звездная ночь, когда Маздак выехал из селения. В той стороне, где находилась крепость Сакайватиш, виднелось зарево пожаров. Нужно было спешить в Акбатаны, и хазарпат с ожесточением стегнул плетью коня.

Глава седьмая

После бегства сагартиев Отан поспешил вернуться в крепость, поручив их преследование Дарию и Гидарну. В окрестностях Сакайватиш шла расправа над сторонниками магов, и он боялся неожиданностей, настроение толпы порой бывает изменчиво и непредсказуемо.

К счастью, опасения бывшего хазарпата не оправдались. У ворот крепости его встретили веселые Артасир и Гобрий, видимо успевшие уже хлебнуть вина. Такое их поведение очень не понравилось главе заговорщиков, но он сдержался и промолчал.

– Здесь тоже все в порядке, – заверил приехавших соратников Гобрий, услышав о бегстве сагартиев. – Даже не верится в такую удачу.

– Это все его заслуга, – сказал, кивнув в сторону багапата, Отан. – Без его помощи трудно сказать, чем все могло бы закончиться.

– Да что я! Все молодцы...

Бывший хазарпат поторопился возвратиться и потому, что лучше других представлял трудности, с которыми им предстоит столкнуться в ближайшее время. В такой огромной державе захватить власть всегда проще, чем ее удержать, для чего нужны были значительные силы и, главное, средства, а ни тем ни другим заговорщики пока не располагали.

Поэтому первым делом Отан поинтересовался состоянием царской казны.

– Плачевное, как и следовало ожидать, – посетовал огорченно багапат. – Ты ведь понимаешь, что после отмены податей мы могли рассчитывать только на доходы с царских хозяйств. А с каким трудом всегда приходилось их выколачивать, ты должен помнить. Так что в последнее время мы едва сводили концы с концами.

– Артасир, мы знаем друг друга не первый год, – по-приятельски лукаво улыбнулся глава заговорщиков. – И чтобы у тебя, да не было денег...

– Ну да, конечно, что-то есть, – неохотно признался тот. – Но поверь, это совсем не то, на что ты рассчитываешь. Я с трудом смогу расплатиться даже с нашими сегодняшними помощниками. Правда, есть еще царские драгоценности, но ты сам понимаешь...

– Хорошо, их пока трогать не будем, – поспешил согласиться Отан. – А деньги все же нужны, без них нам власть не удержать.

– Понимаю, но помочь ничем не могу. Есть у меня кое-что в Акбатанах, но столицей еще надо овладеть. Кстати, там держат меняльные лавки многие вавилонские ростовщики, можно их потрясти.

Совет багапата напоминал ту тростинку, за которую хватается утопающий. Поняв, что большего сейчас от Артасира не добьешься, Отан решил вернуться к разговору о деньгах позже. Да и предложение о ростовщиках – подумалось ему – не лишено смысла. Если предоставить им надежное обеспечение, вавилоняне могли раскошелиться.

Решать надо было и другой не менее важный вопрос – вопрос о новом царе. Но когда Мегабаз заговорил на эту тему, возникли непредвиденные осложнения.

– Мне кажется, нам не стоит торопиться, – неожиданно заявил Гобрий. – Вернутся Дарий и Гидарн, тогда и будем решать.

– Не пойму, зачем ждать? – удивился Артасир. – И так ясно, что только Отану будет по силам нести бремя власти в такой непростой обстановке. У него есть опыт управления государством, за его плечами не одно выигранное сражение, и, наконец, именно он сейчас является нашим вождем.

– Я полностью разделяю твоё мнение, – поспешил заверить всех Гобрий. – Но тем не менее я не хочу, чтобы из-за спешки мы лишились таких союзников, как Дарий и Гидарн.

– А нужен ли нам этот союз? – усомнился Интафрен. – Всем хорошо известно, что Гистасп никогда не признает царем Отана. Или вы хотите повторения Суз, когда из-за его упрямства на троне утвердился Бардия?

– Возможно, ты и прав. Но пока мы действуем заодно, нам не следует обсуждать такой важный вопрос без их участия, – неожиданно поддержал Гобрия бывший хазарпат, догадавшись, почему тот заговорил о зяте.

«Дарий – не Гистасп, его можно уговорить. А если это удастся, тогда сатрапу Парфии будет очень сложно не признать избранного сыном царя».

Надежда, разумеется, небольшая – но стоило попробовать. Его только смущало присутствие Гидарна, который наверняка сделает все, чтобы им помешать. Вот если бы того куда-нибудь отослать...

Размышления Отана прервал внезапный приезд Дария и Гидарна. Их столь быстрое возвращение не сулило ничего хорошего. А известие о появлении воинов хазарпата Маздака лишний раз подтвердило шаткость положения заговорщиков.

– Почему вы дали им соединиться? – возмутился Отан.

– А что мы могли сделать после того, как ты увел с собой столько воинов? – зло заметил Гидарн. – Но мы оставили заслоны, и обо всех действиях мидийцев нам будет сразу известно.

– Я думаю, сейчас Маздак вряд ли располагает достаточными силами для нападения, – предположил Артасир. – Но все может измениться, если к нему подойдут подкрепления из соседних областей, а это вполне реально.

Было решено, что в таких обстоятельствах самое разумное – немедленно возвращаться в Акбатаны. В отсутствие там Маздака у заговорщиков имелись все шансы захватить столицу. Особенно после того, как Отан заверил, что спасат Акбатан Гарпаг на их стороне. Оставался только один вопрос – кому-то надо было остаться в Ниссайте.

– Думаю, завершить здесь все, мы поручим Гидарну, – предложил глава заговорщиков. – С его военным опытом он тут быстро наведет порядок.

– Лучше здесь оставить кого-нибудь из мидийцев, – возразил тот. – Мне, как персу, будет сложно найти общий язык с местными жителями.

– Тебе помогут, – заупрямился Отан. – К тому же я не привык менять своих решений.

– Тогда и выполняй их сам, – обозленно заявил Гидарн. – Я к тебе в слуги не нанимался.

– Не надо ссориться, – поспешил вмешаться Гобрий. – Нам теперь нужно держаться всем вместе. А тут можно оставить Артасира, который на самом деле лучше знаком со здешней обстановкой.

– Но я хотел поручить ему переезд царского двора в Акбатаны, – растерянно признался бывший хазарпат.

Назревающая ссора могла привести к самым непредсказуемым последствиям, персы и кармании, пришедшие с Дарием и Гидарном, составляли почти половину воинов, имеющих на тот момент в распоряжении заговорщиков. Поэтому, сознавая, что сейчас не совсем подходящее время выяснять отношения, Отан решил сдержаться и уступить.

– Тогда кому-то из нас придется сопровождать двор... Возможно, Гидарн не станет возражать против такого поручения...

– Не стану! – буркнул тот сердито. – Но вначале хочу, чтобы мне разъяснили, когда и как будет решен главный вопрос. Вероятно, все понимают, что от того, кто станет нашим царем, зависит очень многое. И я хочу ясности!

– Не думаю, что это сейчас пойдет на пользу делу, – возразил глава заговорщиков, удивив своими словами всех присутствующих. – Давайте отложим его решение хотя бы до Акбатан. Овладев столицей, мы соберем народ и выберем достойного царя.

– А при чем тут народ?! – удивился Гидарн. – Персией уже почти два века правят Ахемениды. И если угасла старшая их ветвь, власть должна перейти к младшей.

– Я же говорил, – не сдержался, чтобы не заметить раздраженно, Интафрен. – Они опять собираются навязывать нам Гистаспа...

– погоди! – осадил друга Отан. – О Гистаспе вообще не может быть речи, хотя бы потому, что его сейчас нет среди нас. А народ здесь при том, что не только персы свергли власть магов, но и мидийцы. Они тоже имеют полное право участвовать в выборах нового царя.

Предложение главы заговорщиков озадачило Гобрия намного больше, чем претензии младшей ветви Ахеменидов. Он не имел ничего против участия части мидийцев в выборах царя, но только таких, как Артасир и, возможно, Гарпаг. А лучше вообще было избрать царя самым из присутствующих здесь участников переворота. Что после небольших колебаний он и предложил.

– Буду рад, если царем станет кто-то из нас, – устало согласился Отан. – Только данное решение следует отложить.

– А зачем, если есть кандидатура, которая может сразу разрешить наши споры, – не унимался раскрасневшийся от волнения Гидарн. – Многих из вас не устраивает Гистасп, которому, по нашим обычаям, должна перейти корона. Но среди нас есть его сын, он тоже Ахеменид и лично участвовал в свержении магов.

– Я не стану возражать, если все с этим согласится, – усмехнулся Отан, не восприняв высказанное предложение всерьез. – И все же давайте его избрание отложим до Акбатан.

На этот раз уже никто не стал возражать, и заговорщики вернулись к обсуждению дел, связанных с предстоящим отъездом в столицу. Причем Гидарн подтвердил согласие сопровождать царский двор, чем очень удивил бывшего хазарпата.

Когда все стали расходиться, племянник Эобаза попросил Дария никуда не исчезать.

– Есть серьезный разговор, – сообщил ему шепотом Гидарн. – Но прежде я должен переговорить с твоим тестем Гобрием.

– Я буду с нашими воинами, – пообещал сын Гистаспа, удивленный не столько самой просьбой, сколько таинственностью, с которой она прозвучала.

Как и Отан, он не придавал большого значения предложению приятеля. Хотя сейчас сразу понял, что разговор пойдет именно о нем. Разумеется, Дарий всегда считал, что младшие Ахемениды должны занять персидский трон после сыновей Кира. Но стать первым царем новой династии – ему такое в голову не приходило.

Своих воинов Дарий нашел в саду рядом с дворцом. В быстро сгущающихся сумерках все ярче горели костры, словно звезды на темнеющем небе.

«Только вот кто их там зажигает?» – почему-то подумалось ему.

– Утром выступаем, – сообщил он сидевшему в одиночестве у почти потухшего костра Тотнаю.

Тот доложил, что раненых разместили в тех помещениях, где раньше располагались стражники, а все остальные воины находятся здесь. После чего Тотнай указал на беседку, где он приготовил другу детства постель. Но Дарий отказался, подбросив в костер дров:

– Иди сам отдыхай, а я еще посижу.

Вторые сутки Дарий не спал, но чувствовал, что уснуть сейчас все равно не сможет. Из головы не выходила загадочная таинственность Гидарна.

«На что он надеется, ведь за Отана явное большинство? Да и согласится ли отец?..»

Мысли, подобно языкам пламени, то вспыхивали, то притухали. Со временем глаза устали следить за игрой огня, и веки сами собой опустились.

– Ты что, спишь?! – разбудил его подошедший Гидарн.

– Нет! С чего ты взял... – очнулся Дарий, сразу не поняв, что он на самом деле задремал.

– Я сейчас говорил с твоим тестем, и мне кажется, он может поддержать тебя на выборах царя, – радостно сообщил Гидарн, присаживаясь рядом. – Конечно, ему придется кое-что

пообещать – скажем, должность или управление какой-нибудь богатой сатрапией. В общем, он готов говорить на эту тему.

– Значит, ты предлагал мою кандидатуру всерьез? – все еще не веря, переспросил Дарий. – А как же отец?

– Он должен будет понять, что у нас не было, да и нет выбора. Отан и его друзья никогда не признают Гистаспа царем.

– А меня признают?..

– Признают. По-видимому, не сразу, но признают. У них ведь тоже нет выбора. Иначе раскол среди персов будет на их совести.

– Как-то не верится, что Отан когда-нибудь согласится, чтобы я стал царем.

– Ему тоже не верится, – лукаво ухмыльнулся Гидарн. – Ты, вероятно, заметил, что он не воспринял мое предложение всерьез. Это нам только на руку. Недооценка противника очень часто приводит к поражению. Я хорошо знаю Отана. Ему будет некуда деваться, когда он увидит, что на нашей стороне большинство.

– Вот только как его заполучить? – сказал задумчиво Дарий. – Ведь даже с тестем мы все равно будем в меньшинстве.

– Остаются другие, и, по крайней мере, один из них должен стать нашим союзником. Я беру на себя Артимана и Интафрена. А ты переговоры еще раз с Гобрием, и упор делай на ваше родство и упрямство отца.

– А если все-таки не получится?

– Тогда мы отправимся в Персию, а там сами провозгласим тебя царем.

Сыну Гистаспа подумалось, что там, в Пасаргадах⁴⁶, царем изберут скорее всего отца, что совсем не огорчило бы Дария, побаивающегося брать на себя такую колоссальную ответственность. Но с другой стороны, он понимал, что должен сделать все возможное, отстаивая здесь право младших Ахеменидов на царскую власть.

– Пока же постарайся убедить тестя, и, главное, так, чтобы Отан ни о чем не пронюхал, – поучал друга Гидарн. – Есть у меня еще одна задумка. Ведь я не просто так согласился сопровождать царский двор. Хочу переговорить с Атоссой, ведь она сейчас единственная законная наследница Кира. Если мне удастся уговорить ее выйти за тебя замуж, твоих прав на престол уже никто не сможет оспорить.

– Но я не хочу на ней жениться, – возразил изумленный Дарий, сразу подумав, как такой поступок воспримет Артистона.

– Тогда на ней женится этот разжиревший боров Отан и у нас будут проблемы.

– Да ведь он старик...

– В том-то и дело! – усмехнулся Гидарн. – Надеюсь, она это тоже понимает...

⁴⁶ Столица коренной Персии (вероятно, искажение от «хазаргарда», что означало «великий дом»).

Глава восьмая

В день переворота Атосса проснулась от криков и шума. Как дочь Кира, она пользовалась при дворе особыми привилегиями. Одна из них заключалась в определенной свободе, причем не только на женской половине царского дворца. Даже старший евнух признавал за ней такое право.

Но сегодня дверь ее покоев, выходящая в центральный дворцовый коридор, оказалась запертой снаружи. Очень удивившись этому обстоятельству, она тогда решила пройти через внутренний двор, где обычно царские жены встречались, чтобы посудачить или отдохнуть в небольшом садике. Атосса редко там бывала, предпочитая вместо глупых и пустых разговоров одиночество, из-за чего ее недолюбливали, считая высокомерной.

Выйдя во внутренний дворик, она нашла здесь всех жен царя и их служанок, встревоженных необычным происшествием. Снаружи у дверей женской половины дворца почему-то вместо привычных евнухов стояли воины, которые никого не выпускали, ссылаясь на распоряжение начальства.

О случившемся убийстве перепуганные женщины узнали намного позже. Принесла эту новость одна из служанок, которую позвали обратиться в царских покоях.

– Там все было в крови, – рассказывала она, захлебываясь от волнения и пережитого страха. – А из разговоров воинов я поняла, что Бардия и Спитак убиты...

Данный государственный переворот не сулил дочери Кира ничего хорошего, она прекрасно понимала, кто его зачинщики. Атосса не раз предупреждала сводного брата, что потакание Спитаку добром не кончится. Сознавала она и то, что теперь уже персидская знать ни перед чем не остановится.

Совсем другие чувства испытывала Федима, услышав о случившемся. Полное самодовольное лицо дочери Отана сияло от счастья.

– Я все же отомстила подлецу, – заявила она ликуя, имея в виду отвергнувшего близость с ней Бардию. – Осталось еще разобраться с этой стервой Пармидой. Теперь она дорого мне заплатит за все унижения...

Тут, увидев выходящую из своих покоев Пармиду, глаза Федины налились гневом, и, схватив попавшуюся под руку метлу, она кинулась на обидчицу. Все произошло так быстро, что Атосса, находившаяся рядом с дочерью Отана, даже не успела попытаться ее остановить. Дальше в драку цариц ввязались служанки, и поднялся такой визг и крики, что дочь Кира закрыла ладонями уши.

Потасовка могла не закончиться простым избиением, не пояись вовремя Отан и воины. С большим трудом им удалось разнять дерущихся женщин, но Федима все продолжала неистовствовать, раздавая оплеухи направо и налево. Отцу даже пришлось отхлестать ее по щекам, чтобы привести в чувство.

– И это твоя награда, – обиделась та, сразу как-то обмякнув и разрыдавшись. – За все то, что я сделала, чтобы вам было проще избавиться от ублюдка.

– О чем ты? – удивленно посмотрел на дочь бывший хазарпат.

– О тех слухах о самозванце, которые я распустила...

– Атосса, помоги ей прийти в себя и не молоть всякую чепуху, – попросил Отан дочь Кира, которая с любопытством прислушивалась к каждому слову Федины. – И проследи, пожалуйста, чтобы впредь подобных драк здесь не происходило. Если понадобится, применяй силу. Охрану я предупрежу, чтобы твои распоряжения выполнялись незамедлительно.

Атосса не стала спорить, сразу уведя Федиму в ее покои. Но та еще долго не могла успокоиться, проклиная отца, Пармиду и остальных своих недругов. Только ближе к полудню дочь

Кира вернулась к себе, где в спокойной обстановке могла подумать о случившихся трагических событиях.

Судя по всему, ее положению пока ничто не угрожало. Бардия приходился Атоссе всего лишь братом по отцу, причем их родство многими ставилось под сомнение. С другой стороны, она, разумеется, не верила в убийство истинного Бардии Прекраспом, да и как можно было поверить в такую чушь. Но и выступать сейчас в защиту убитого брата не собиралась.

Отличаясь неженской практичностью в подобных вопросах, Атосса никогда не позволяла чувствам завладеть разумом. А он ей подсказывал, что после гибели Бардии она является единственной законной наследницей отца. Разумеется, Атосса не надеялась, что заговорщики станут считаться с ее правами, но заставить их прислушиваться к мнению дочери Кира, было ей вполне по силам.

И случай начать отстаивать свои права представился Атоссе даже раньше, чем она предполагала.

На следующий день после убийства царя к ней за помощью обратился Гидарн. Ему надо было готовиться к отъезду, но на женскую половину дворца посторонние мужчины не допускались. И так как все евнухи погибли, защищая царские покои, у него, естественно, возникли проблемы.

– Я понимаю, царевне не пристало этим заниматься, – заранее извинился он. – Но обстоятельства вынуждают меня просить тебя проследить за сборами. Честно говоря, мне просто больше не к кому обратиться, а завтра мы должны выехать в Акбатаны.

– Хорошо, я помогу, – охотно согласилась дочь Кира.

Ей польстило, что Гидарн обратился именно к ней, а не к Федиме. К тому же, занявшись сборами, она хоть как-то могла отвлечься от не покидавших ее тревожных мыслей.

Атосса уже догадывалась, что новым царем, вероятно, станет Отан. Бывший хазарпат приходился ей дядей по матери и был старше на тридцать лет. Так что перспектива стать его женой совсем не прельщала дочь Кира, к тому же она боялась повторить участь сестры Роксаны, которая умерла при родах. Тогда придворный врач сказал, что виной всему их близкое родство с Камбисом. И Атосса хорошо запомнила его слова.

Однако сейчас ее больше всего тревожило то, что персидская знать, похоже, была не намерена затягивать с выборами царя. Правда, утренний отъезд части заговорщиков в Акбатаны отсрочил это решение. Но надолго ли? Так или иначе, у нее оставалось совсем мало времени, чтобы напомнить им о себе.

Вечером того же дня Атоссу опять навестил Гидарн. Рассеянно выслушав ее отчет о подготовке к отъезду, он поблагодарил дочь Кира за хлопоты и как бы между прочим сообщил о возникших на вчерашнем собрании разногласиях.

– А я думал, ты все знаешь, – признался он удивленно в заключение рассказа. – Вероятно, Отан слишком торопился сегодня утром. Иначе трудно объяснить его забывчивость, ведь во многом от тебя зависит выбор нового царя.

– Как это? – спросила Атосса, с выражением непонимания на лице посмотрев на Гидарна.

– После смерти Бардии ты являешься вдовой и можешь распоряжаться своей судьбой как пожелаешь. С другой стороны ты дочь Кира и его законная наследница. Так что при выборах царя этого нельзя будет не учитывать.

– Сомневаюсь, что кто-то станет интересоваться моим мнением, – призналась, печально вздохнув, царица.

Атосса не отличалась броской красотой, как ее младшая сестра Роксана. Несколько грубоватые черты лица, унаследованные от отца, делали старшую дочь Кира не особенно привлекательной. Но сейчас эта двадцатипятилетняя задумчиво-грустная женщина показалась Гидарну удивительно красивой.

– Поинтересуются! – пообещал он ей. – А если забудут, мы с Дарием напомним. Жаль только, что, по нашим обычаям, женщина не может управлять государством. Ведь царствует же над саками Томирис, и неплохо справляется.

– Она всего лишь опекуниша своих детей, – заметила дочь Кира, понимая уже, куда клонит Гидарн. – А у меня детей нет.

– Думаю, и не будет, если царем станет Отан. Да и какие, собственно, у него права на персидский престол? Дальнее родство с Киrom, да и то по женской линии.

– Но и у младших Ахеменидов их не много, – возразила, сама не зная зачем, Атосса.

– Поэтому нам и стоит заключить союз, – предложил Гидарн, посчитав, что плод созрел и его пора попробовать на вкус. – Тогда мы могли бы обещать, что твой старший сын унаследует корону деда.

– Так это сватовство? – лукаво улыбнулась дочь Кира.

– Можно считать и так. Дарий в курсе нашего с тобой разговора.

– Тогда я должна подумать.

Предложение Гидарна сразу показалось ей привлекательным, Атоссу только смущало упрямство Отана. Она очень сомневалась, что тот когда-нибудь согласится признать одного из младших Ахеменидов персидским царем. А иметь такого врага, как дядя, ей совсем не хотелось.

С другой стороны, Дарий был почти ровесником, к тому же став с ее помощью царем, никогда не посмеет забыть, кому обязан своим возвышением. Только при этом условии она сможет стать истинной царицей, с мнением которой считаются. А если еще родит наследника, то не прислушиваться к ее словам будет просто невозможно.

В жизни любой женщины наступает такой момент, когда отсутствие детей становится если не трагедией, то поводом чувствовать себя порой глубоко несчастной. И последнее время Атосса все чаще стала об этом задумываться. Так что когда Гидарн пришел за ответом, она согласилась им помочь.

– Только я хочу знать все ваши планы, – поставила условие Атосса. – Пойми, это в ваших же интересах. Как дочь Кира, я могу во многом помочь.

– Ничего не имею против такого условия, – весело и снисходительно улыбнулся Гидарн. – Наши планы в общих чертах таковы: если на собрании, которое состоится в Акбатанах, мы окажемся в меньшинстве, то нам ничего не останется, как уехать в Персию и уже там провозгласить Дария царем. Для того чтобы победить, нам необходимо заручиться поддержкой еще двух-трех влиятельных сторонников среди персидской знати. И ты, в этом как дочь Кира, нам как раз можешь помочь.

– С кем я должна поговорить? – поинтересовалась она решительно.

– Прежде всего, с нашими ранеными товарищами – Артиманом и Интафреном. Они поедут вместе с нами, так что повидать их для тебя не составит труда. Хотя, честно признаюсь, я даже не знаю, как к ним подступиться.

– Хорошо, я постараюсь сделать их нашими сторонниками.

Услышав имя Артимана, ей сразу подумалось, что тот, несомненно, захочет узнать истинного виновника гибели отца. Еще раньше Атосса подозревала, что именно Федима распустила тот нелепый слух об убийстве настоящего Бардии патисахом. А после драки с Пармидой та сама в этом призналась. Так что если Артиману все рассказать, то у него не может не возникнуть подозрений в причастности к гибели Прексаспа и самого Отана.

Посвящать в задуманную интригу Гидарна Атосса не стала, все равно тот ей ничем не мог помочь. Жаль только, времени у дочери Кира было совсем мало. Однако, унаследовав от отца не только черты лица, но и его характер, она не привыкла отступать перед трудностями.

Глава девятая

Как ни торопился Маздак поскорее попасть в Акбатаны, въехал он в мидийскую столицу только к полудню. Слишком уставшие лошади и так под конец еле плелись.

На первый взгляд в Акбатанах все было спокойно, лишь улицы города, которыми проезжал хазарпат, показались ему как-то необычно малолюдными. Наглухо закрытыми нашел он и ворота царской крепости. Одному из его спутников пришлось долго стучаться, пока в проеме башни над воротами не появился заспанный стражник.

– Что надо? – ворчливо спросил он, с любопытством оглядев всадников.

– Открывай ворота, не видишь, кто перед тобой, – крикнул подъехавший Маздак. – И пошевеливайся, если не хочешь отведать плетей!

Однако, к удивлению хазарпата, его угроза не произвело на стражника никакого впечатления.

– Да будь ты хоть сам царь, ворот открывать не велено, – сообщил тот, грязно выругавшись. – Так что проваливайтесь, пока целы!

– Тогда позови Гарпага! – приказал хазарпат, посчитав недостойным для себя отвечать на наглую выходку простого воина или десятника.

– Его нет в крепости.

Заявление стражника очень удивило Маздака. Уезжая позавчера из Акбатан, он строго-настрого приказал спаспату мидийской столицы никуда из крепости не отлучаться.

«Совсем распустился. Ну, я ему покажу!..» – зло пообещал про себя хазарпат.

Пока же ему ничего не оставалось, как послать одного из воинов разыскать Гарпага. Спаспат жил на другом конце города, и, чтобы не терять времени, Маздак решил заехать к правителю Акбатан Датафарну. С ним тоже нужно было как можно скорее повидаться, а проживал он как раз неподалеку.

«Хорошо, что я не поторопился привезти сюда жену и сына», – подумал Маздак, проезжая почти пустынными улицами столицы, представив, что здесь начнется, когда горожане узнают о подлом убийстве царя.

Подъезжая к дому правителя мидийской столицы, Маздак еще издали увидел собравшуюся на улице вооруженную толпу, штурмовавшую жилище Датафарна. Никто из нападавших мятежников даже не обратил внимания на воинов хазарпата. А тот, услышав раздающиеся в толпе выкрики «Бей магов!», сразу же повел свой небольшой отряд в атаку. И через четверть часа смутьяны были разогнаны.

– Ты подоспел вовремя, – признался хозяин, чуть не плача от радости. – А я уж думал, мне конец.

– Что у тебя здесь происходит? – обеспокоенно спросил Маздак, увидев десятки трупов, валяющихся во дворе дома правителя Акбатан.

– Сам ничего не понимаю, – растерянно признался тот. – Час назад на улице собралась толпа и начала штурмовать мой дом. Причем среди этого сброда я заметил даже воинов Гарпага.

– Значит, и спаспат столицы участвует в заговоре, – предположил вслух хазарпат и рассказал Датафарну о событиях, произошедших в Ниссайте.

Чем дольше он говорил, тем мрачнее и испуганнее становилось широкое рябое лицо правителя Акбатан. Он тоже получил свою должность благодаря дальнему родству со Спитаком, и теперь ему не приходилось рассчитывать на снисхождение мятежников.

– Какое несчастье, что же делать? – по-бабьи запричитал Датафарн, когда Маздак закончил рассказ. – Они ведь всех нас перебьют...

Хазарпат сам прекрасно осознавал нависшую над ними опасность, но еще плохо представлял, с чего ему следует начать. Разумеется, надо было как можно быстрее арестовать всех родственников и друзей заговорщиков. Но как это сделать, когда в твоём распоряжении всего сотня воинов? Он пожалел, что оставил Амисту большую часть дружины, рассчитывая на ратников, находившихся в царской крепости.

Со столичной знатью Маздак был почти не знаком и очень смутно представлял, на кого из них можно положиться. Мало чем помог бы ему в этом и Датафарн, недавно переехавший в столицу. На поддержку горожан тоже пока не приходилось рассчитывать, так как оба они не обладали каким-либо серьезным авторитетом у простонародья.

Но и бездействовать было смертельно опасно. Тем более что мятежники могли в любую минуту вернуться с подкреплением. Прежде всего Маздак решил подыскать более безопасное место. Лучше всего для этой цели подходил подаренный ему царем дворец. Правда, он находился за городом, но зато был довольно просторным и обнесен высокой каменной стеной. А главное, все знали, что там уже давно никто не живет.

– А как же я?.. – снова запричитал Датафарн, услышав о немедленном отъезде Маздака. – У меня ведь семья, и я не могу ее здесь оставить...

– Забирай всех с собой, но только поторапливайся! Через четверть часа мы выезжаем.

Когда правитель побежал готовиться к спешному отъезду, хазарпат позвал знающих Акбатаны воинов. Их он послал разведать обстановку в городе и зайти к его немногочисленному знакомым, преданность которых не вызывала сомнений. Нужно было как можно скорее собрать всех сторонников Бардии и Спитака вместе.

Как ни торопил Маздак Датафарна со сборами, выехать они смогли только через час. Улицы города были уже совсем пустынные, только в нескольких местах им встретились небольшие группы людей, которые, увидев отряд всадников, быстро разбежались. Так без каких-либо помех они выехали из города и добрались до загородного дворца хазарпата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.